

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

3(72)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

О понимании России
How to Understand Russia

Русский национализм
Russian Nationalism

Россия в рейтингах 2010 года
Ratings of Russia, 2010

ЕС, Россия и постсоветское пространство
EU, Russia and Post-Soviet Space

Музеи российской эмиграции
Museums of Russian Emigration

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2011

Юрий Иванович Игрицкий
Россия и современный
мир №3/2011

Серия «Журнал «Россия и
современный мир»», книга 72

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245256

Россия и современный мир № 3 (72) Научный журнал : ИНИОН РАН;

Москва; 2011

ISBN 2011-3

Аннотация

Профиль журнала – анализ проблем прошлого, настоящего и будущего России их взаимосвязи с современными глобальными и региональными проблемами. Журнал имеет многоплановый, междисциплинарный характер, публикуя материалы по истории, социологии, философии, политической и экономической наукам.
Ключевые рубрики – «Россия и мир в XXI веке» и «Россия вчера, сегодня, завтра».

Содержание

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	4
К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ РОССИИ	4
НОРМАЛЬНЫЙ РУССКИЙ	44
НАЦИОНАЛИЗМ (К вопросу об идеологии демократического государства в России)	
РОССИЯ-2010 В ЗЕРКАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ	81
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЭЛИТА: КАЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ «ПРЕЗИДЕНТСКОГО РЕЗЕРВА» ¹⁴	110
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Юрий Игрицкий
Россия и современный
мир №3/2011

РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ
ПОНИМАНИЯ РОССИИ

Ю.С. Пивоваров

Пивоваров Юрий Сергеевич –
академик РАН, директор ИНИОН РАН

У каждого поколения, у каждой эпохи существует потребность в историческом самоопределении, собственном видении прошлого. Поэтому каждый раз решенные (казалось бы) вопросы ставятся под сомнение, под пересмотр. Но бывают времена, когда историософская потребность ощущается осо-

бенно остро. Сегодня как раз такое время. Во всяком случае, в нашей стране, для нашей страны...

Это, с одной стороны. С другой – русское сознание всегда было ориентировано на философско-историческую проблематику. Все у нас решалось в ее контексте. Она стала «фирменным знаком», важнейшей характеристикой отечественной культуры. Однако несмотря на напряженность историософских поисков, на жар историософского горения, русская мысль и русская наука подобно иным (европейским) уложились – в общем и целом – в два подхода. Формационный и цивилизационный.

По сути, в русской традиции никому еще не удалось вырваться за их границы, сбросить эти шинели. Да никто особо и не стремился (может быть, только Лев Шестов и отчасти Соловьёв с Бердяевым; но, конечно, не их пути стали для русского ума магистральными). Впрочем, как и на вечномящем и вечноненавидимом Западе.

Кратко рассмотрим существо и специфику этих двух господствующих типов осмысления и упорядочения исторического процесса. Без этого и вне этого, коль эти типы действительно господствуют, не подойти к теме самоопределения современного российского человека во времени и (социальном) пространстве.

Начнем с формационного как более привычного – о нем мы узнавали еще в школе. И на всю жизнь обязаны были запомнить, что мировая история, по Марксу, состоит из пяти

сменяющих друг друга формаций. Все остальные подходы к истории объявлялись нашими учителями идеалистическими. Затем, став студентами, читали об «азиатском способе производства», об энергичной полемике вокруг него, которая не одно десятилетие шла (в основном) среди ученых-востоковедов. Должен сказать, что именно эта полемика поселяла во мне, студенте конца 60-х – начала 70-х годов, первые «историософские сомнения».

Но, как выяснилось впоследствии, не один лишь «азиатский способ производства» угрожал моему «школьному марксизму» с его жесткой пятичленной формулой. Оказалось, что наука (советская и зарубежная) обнаружила в классическом марксизме три варианта осмысления истории. 1. В соответствии со способом производства в истории человечества выделяются пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. 2. В зависимости от господствующего типа материальных отношений (т.е. воспроизводимым типом отношений собственности) историю можно разделить на три «крупные формации»: первичная, или архаическая, формация с господством общей (общинной) собственности; вторичная, антагонистическая формация с преобладанием частной собственности, третья – коммунизм – основана на общественной собственности. 3. Согласно выявлению исторических типов общественных отношений зависимости и свободы, когда за основу берутся исто-

рические способы соединения в целое общественных индивидов (т.е. природа их социальности) и конкретно-исторические способы соединения работника и средств производства. В результате в истории прослеживаются три типа, три ступени развития общества: докапиталистические (в том числе и первобытные), капиталистическое и коммунистическое¹.

Конечно, эти три версии осмысления исторического процесса не противоречат друг другу, поскольку в основу положена **одна субстанция** – материальное общественное производство. И существуют они лишь потому, что сама **субстанция** рассматривается под различными углами зрения. Но мне важно подчеркнуть именно возможность различных углов зрения в рамках марксистского формационного подхода. Эта возможность, безусловно, расширяет поле исторического маневра и позволяет несколько иначе, чем в «школьном марксизме», увидеть ход исторического развития. Возникает ситуация, при которой в определенной сте-

¹ . Эта, третья, версия обычно строится на следующей мысли Маркса: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной общественной производительности в их общественное достояние, – такова третья ступень» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 100–101).

пени снимается жесткость гомогенной стадильности пятичленной формулы. Само формационное видение становится более гибким. Хотя, разумеется, я отдаю себе отчет в том, что вторая и третья версии разработаны гораздо менее первой и являются фактически ее вариантами.

Далее. Хорошо известно, что наряду с марксистским формационным подходом к истории существует множество иных формационных подходов. Вспомним, к примеру, Кондорсе с его десятью последовательно сменяющимися друг друга эпохами мировой истории; Сен-Симона, говорившего о четырех этапах истории в соответствии с четырьмя этапами развития общечеловеческого разума: идолопоклонство (первобытное общество), политеизм (античное рабовладельческое общество), монотеизм (феодализм) и физицизм («промышленная система»). Вообще, роль Сен-Симона в становлении формационной философии истории огромна. Скажем, трудно переоценить его идею, что исторический процесс совершается путем постоянной смены созидательных эпох (данная общественная система развивает постепенно и до конца свои принципы и возможности) разрушительными эпохами (кризис данной системы, ее разрушение и начало построения на основе новой идеи более высокой общественной организации). Вспомним также Конта, сформулировавшего «позитивную теорию общественного процесса» (или социальную динамику). Он выделял в мировой истории три главные стадии, каждая из которых соответствовала опреде-

ленной стадии в развитии человеческого ума, – теологической (или фиктивной), метафизической и позитивной. Сильное влияние на становление формационного мировоззрения оказал и Гегель (идея преемственности трех этапов мировой истории – восточного, греко-римского и германского). Вообще, позапрошрое столетие (и конец XVIII в.) было в Европе «золотым веком» формационного типа историософского мышления. Но и в XX в. западная мысль продолжала плодотворно разрабатывать эту жилу: теория модернизации (со всеми ее разновидностями), концепция «стадий роста» У. Ростоу и др.

Да, формационный подход многоцветен и разнообразен, его версии сильно отличаются друг от друга, а все вместе – от марксистского осмысления истории. И тем не менее они обладают рядом важных характерных свойств, позволяющих говорить о формационном подходе как таковом. Назову некоторые из них: «провиденциальность» общественного прогресса, универсальность (единство) истории, стадильность исторического развития, европо-центризм (в большей или меньшей степени, в разных дозах, явный или подспудный). Причем я бы сказал, что европоцентризм (шире – западоцентризм) имеет «провиденциальную» окраску.

Что же из всего этого следует? Прежде всего то, что марксистская концепция истории возникла в уже пробитом русле формационного мышления и на **определенной** стадии эволюции западного общества (историософская рефлексия

именно этого общества и именно в этом его состоянии). Очень важно также помнить о его генетической связи с иудеохристианским пониманием истории. «Формационщики», безусловно, своим существованием обязаны этой традиции. Действительно, они позаимствовали (точнее – унаследовали) у христианской мысли важнейшие свои принципы и положения – универсальность истории, закономерность истории, периодизацию истории (каждый период отличается от предшествующего и имеет специфические особенности, в целом история делится на две эпохи – мрака и света), провиденциальность истории – и, следовательно, определенную ее направленность, однократность, неповторимость любого события и т.д.

Однако в формационной концепции появляются и принципиально новые идеи. И в первую очередь, идея прогресса. Здесь не откажу себе в удовольствии процитировать Макса Вебера: «Мысль о прогрессе может оказаться необходимой только в том случае, если возникнет потребность секуляризованному осуществлению судьбы человечества придать поюсторонний и все же объективный смысл». Сейчас я не стану комментировать эту замечательную мысль; к ней мы вернемся несколько позже...

Мне кажется необходимым указать и на следующее кардинальное отличие формационного типа мышления от иудеохристианского. В формационном подходе к истории в качестве основополагающего появляется принцип субстанци-

альности. Сошлюсь на Р.Дж. Коллингвуда, на его мысль о субстанциальности античного философско-исторического видения и несубстанциальности христианского. Коллингвуд говорит, что греко-римская историософия создавалась на базе метафизической системы, главной философской категорией которой была категория субстанции. Скажем, у Платона субстанции суть объективные формы, у Аристотеля – дух. Не буду дальше излагать идеи Коллингвуда – они давно уже стали общим достоянием. Отмечу лишь, что его рассуждения о принципиальной субстанциальности историософии античного мира в высшей степени убедительны.

В христианстве же происходит преодоление субстанциальности. Метафизическая доктрина субстанции «снимается» доктриной творения. Суть ее в том, что живоначален только Бог, все остальное сотворено Им. Человеческая душа не существовала всегда (*ab aeterno*), в **этом** смысле ее «вечность» отрицается. Каждая душа – новое творение Бога. Единственной субстанцией признается Бог, его субстанциальная природа – непознаваема. Впоследствии Фома Аквинский отвергает концепцию Божественной субстанции, для него Бог – чистая деятельность, *actus purus*. Но в рамках формационного подхода происходит возрождение субстанциальности, восстановление ее в правах. У Маркса субстанциальной основой истории является материальное общественное производство, у Сен-Симона и Конта – общечеловеческий разум, у Гегеля – мировой дух и т.д.

Теперь о цивилизационном подходе. Здесь прежде всего следует назвать имена Н. Данилевского, К. Леонтьева, евразийцев, О. Шпенглера, А. Тойнби, А. Вебера, М. Вебера, Р. Макивера, П. Сорокина и др. Их концепции родились в лоне современной западной культуры (или, если речь идет об отечественных мыслителях, – в лоне «европейской культуры на русской почве»), и следовательно, здесь немало схожего с формационным подходом. Так, к примеру, сохраняется **принцип развития** – культуры (культурно-исторические типы, цивилизации, общества) развиваются, проходят различные стадии (*genesis, growth, breakdown, desintegration* – у Тойнби; стадии «первоначальной простоты», «положительного расчленения» или «цветущей сложности» и «вторичного смесительного упрощения» – у К. Леонтьева и т.п.). От ряда принципов, характерных для сторонников формационной концепции, теоретики этого круга отказались. Правда, одни принципы отброшены полностью, с другими окончательного разрыва не произошло.

Как ни странно, к таким принципам относится принцип единства мировой истории. Казалось бы, именно здесь один из центральных моментов расхождения между сторонниками формационного и цивилизационного подходов. Но, видимо, эта идея настолько усвоена европейским сознанием, что совсем избавиться от нее крайне трудно. Пожалуй, это удалось лишь одному Шпенглеру, у которого культуры – поистине лейбнищевские монады. Что касается остальных, то

у них наряду с отрицанием единства мировой истории (вернее, его догматизации и абсолютизации) в той или иной форме и в разной, конечно, степени этот принцип присутствует. Во всяком случае, он дает о себе знать, оказывает воздействие на логику и этос мышления. Ну а главная схожесть состоит, безусловно, в субстанциальности, она имманентна историософии Данилевского и Шпенглера не меньше, чем Конта и У. Ростоу. Только «материя» субстанций иная, и у каждой культуры она своя, неповторимая. Скажем, согласно Шпенглеру, в основе любой культуры – лишь ей одной присущие органическая структура, пластический «жест», инстинктивный такт, ритм, «повадка». В своей совокупности они и составляют субстанцию **этой** культуры. А уже субстанция придает человеку этой культуры (человеческая природа понимается как материал культуры) **собственную** форму. Каждая культура обладает **собственной** идеей, **собственными** страстями, жизнью, волей, манерой восприятия вещей и умирает собственной смертью.

Я думаю, что появление цивилизационных концепций связано и с осознанием определенной узости, «недостаточности», одномерности формационного подхода, и вообще с кризисом эволюционистского, прогрессистского, либерального, позитивистского сознания. Сыграло роль и развитие науки, в первую очередь – востоковедения. Наверное, не случайно и то, что крупным очагом цивилизационного осмысления истории стала Россия. Уж очень трудно ее историче-

ский путь уложить в формационные схемы. Не помещаются в них неповторимость и своеобразие русской судьбы. В еще большей мере это относится к культурам Востока (хотя и в русском, и в восточных обществах существовали и другие причины, стимулировавшие развитие цивилизационной историософии). Но, повторяю, мой тезис заключается в том, что эта группа цивилизационных теорий есть также продукт западного (или вестернизированного) историософского сознания.

Свидетельством, подтверждением **неантагонистичности** – на глубинном уровне, в самом важном – формационного подхода (если отсечь его наиболее радикальные и жесткие версии) и цивилизационной мысли служат весьма распространенные в западной науке «смешанные», компромиссные концепции. Их авторы пытаются, весьма небезуспешно, преодолеть недостатки и крайности обоих подходов и, используя сильные стороны как цивилизационного, так и формационного видения, создать некую третью, синтетическую и более адекватную теорию истории человеческого рода.

Таковыми – в самом общем и вынужденно-поверхностном виде – представляются мне формационные и цивилизационные подходы к истории. Какой из них предпочтительнее, за каким будущее? Я бы ответил на этот вопрос следующим образом. Формационный в значительной степени отражает исторический путь народов Европы. Цивилизационный много дает для понимания своеобразия той или иной куль-

туры. Попытки некоторых сторонников цивилизационной теории поставить под сомнение единство мировой истории представляются мне неубедительными (особенно шпенглеровское направление – культура как монада). Хотя и жестко-догматический вариант формационного подхода, думаю, не менее ошибочен. Меня вполне удовлетворяет тезис, согласно которому «человечество имеет единые истоки и общую цель» (К. Ясперс). Серьезным подтверждением идеи единства мировой истории представляются концепции типа «осевого времени» того же Ясперса. И даже если он (или кто-то другой) в чем-то ошибается, в главном – в ощущении взаимосвязи, взаимозависимости различных отрядов человечества, в наличии у них «общего дела», – конечно, прав.

Однако при всех своих заслугах оба этих подхода, мягко говоря, несовременны, т.е. перестали быть историософской рефлексией, адекватной духу эпохи. И дело совсем не в том, что и у формационного, и у цивилизационного подходов есть противоречия, нерешенные проблемы, пределы (и географические, и собственно научные) применимости. Этого как раз бояться не стоит. Когда-то Ханна Арендт заметила, что у второстепенных мыслителей трудно найти фундаментальные противоречия, у великих людей – противоречия в сердцевине творчества. То же можно сказать и о всякой крупной, подлинной попытке осознания исторического процесса. А ведь формационная и цивилизационная именно таковы. И я убежден, что не бывает непротиворечивых, не

«ограниченных» тем-то и тем-то, если их продумать всерьез, теорий исторического процесса.

Да, неадекватность духу эпохи этих вариантов историчесофского видения объясняется не какими-то их частными изъянами. Все гораздо серьезнее. На рубеже XIX–XX вв. в результате открытий естественных наук, прежде всего физики, родилось принципиально новое понимание мира. Так, в ходе научной революции была утеряна материя (помните «Материализм и эмпириокритицизм»? Помните, как всполошился Ильич?). Точнее: исчезла материя в **старом** смысле. Зато была обретаена в качественно ином, таком, что аж дух захватывало.

А за пропажей материи куда-то скрылась и **история** (в **этом** «гадов-физиков» винить, конечно, не стоит). Или то, что под историей привыкли **полагать** в XIX (и раньше) веке. Внезапно это полагание, этот **смысл** развоплотились. Оборвались историческое время и людская жизнь, которые соответствовали и вытекали из этого полагания. Оборвалось то, что летом 1903 г. наблюдал из окна купе второго класса поезда Оренбург – Москва одиннадцатилетний гимназист: «Все движения на свете в отдельности были рассчитанно-трезвы, а в общей сложности безотчетно пьяны общим потоком жизни, который объединял их. Люди трудились и хлопотали, приводимые в движение механизмом собственных забот. Но механизмы не действовали бы, если бы главным регулятором не было чувство высшей и краеугольной беззаботности.

Эту беззаботность придавало ощущение связности человеческих существований, уверенность в их переходе одного в другое, чувство счастья по поводу того, что все происходящее совершается не только на земле, в которую закапывают мертвых, а еще в чем-то другом, в том, что одни называют Царством Божиим, историей, а третьи еще как-то» («Доктор Живаго»).

«После Освенцима не может быть истории». Эти слова Теодора Адорно могли бы быть эпиграфом к XX столетию. Не может быть истории в том смысле, какой придавали ей либералы и консерваторы, марксисты и позитивисты, социалисты и... остальные. К сожалению, средствами русского языка описывать эту ситуацию не очень просто. Зато есть смысл воспользоваться немецким, в котором «история» – это «Historie» и «Geschichte». То есть «история» передается двумя различными понятиями.

Коллингвуд как-то заметил: история – это действия (деяния) людей в прошлом. И не более того. Так вот история-*Geschichte* (родственный глагол *geschehen* – случаться, происходить) равна коллингвудскому определению. История-Historie есть философское осмысление, интерпретация того, что было действиями людей в прошлом. Другими словами, историософ (историк от Historie) **пишет** (именно так!) историю. Во-первых, с каких-то определенных мировоззренческих **позиций**, во-вторых, **зная**, что будет потом. А история (от *Geschichte*), когда она свершается, если можно так

сказать, не имеет позиции и еще не знает. Здесь коллизия, непримиримое противоречие. Где же выход?

В признании того, что история – это только *Geschichte*? (Кстати, пятнадцать лет назад я склонялся к этому; см., например, «Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М., 1997.) Разве можно действиям людей приписывать некие им (действиям и самим людям) внеположные смыслы, законы и пр., людей же выстраивать в колонны и заставлять маршировать по ступенькам формаций или в пределах своих цивилизаций? Да, этого делать не следует. В XX в. история обманула нас; и все историософии растаяли как в тумане (к сожалению, не в «сиреневом», а – в кровавом).

Но одновременно с этим никогда (и ни у кого) не получится свести историю лишь к *Geschichte*. Человеческая природа – хотим мы этого или нет – заставит нас историософствовать. Весь вопрос в том, **как?**

Первое. Наше отношение к истории должно перестать быть **субстанциальным**. Понятно, что субстанциальные подходы к истории (формационные, цивилизационные) притягивают к себе, завораживают, дают прочные опоры, казалось бы, подлинное знание, уверенность в наличии у истории объективного смысла, законов развития и т.п. Но субстанциальность – в **конечном счете** – означает, что **последняя ответственность** остается за некоей – исторической, надысторической – необходимостью. Человек (личность) в

рамках таких подходов остается всего лишь индивидуальным проявлением какой-то высшей ценности, подчиненной частью какого-то иерархически организованного целого.

Второе (и оно тесно связано с первым). Следует признать, что история— *Geschichte* — процесс принципиально открытый. Это действие, не имеющее **расписания**, повестки дня. Отсюда — прямой путь к отказу от эсхатологического и прогрессистского типов осмысления истории.

Вот здесь как раз место и время для того, чтобы прокомментировать приведенную выше мысль М. Вебера о прогрессе. Вне всякого сомнения, идея прогресса придает истории **упорядоченность** и то внутреннее напряжение, без которого невозможны были «великие стройки» Запада. Но веберовская трактовка прогресса замечательна не только сама по себе. Она как бы отталкивается, отправляется от какой-то иной идеи, предшествовавшей прогрессистской. Конечно, подразумевается эсхатологическая идея — придающая потусторонний (и, безусловно, объективный) смысл судьбе человечества и отражающая потребность в религиозном, сакральном обосновании экзистенции. Так, помимо прочего, устанавливается содержательная и логическая связь между эсхатологизмом и прогрессизмом и открывается возможность рассматривать прогресс как **обмирщенный** вариант эсхатологии. И не затушевывается их сущностное различие.

Сделаем здесь небольшое отступление. И зададимся вопросом: **как** происходит переход от идеи эсхатологии к идее

прогресса (перевернутому обмирщенному эсхатологизму)? В свое время этот процесс на русском «материале» замечательно описал отечественный исследователь Г.М. Прохоров: «... В XVII в. культурный авангард Руси делает дальнейший поворот к будущему... Старообрядцы и никониане, равно тянувшиеся прежде к вечности, разошлись в дополнительных устремлениях, векторах “второго порядка”. Никон и его сторонники устремились как к идеалу к будущему – будущему всего православного мира (вечность-в-будущем), а старообрядцы к прошлому – прошлому русской национальной духовности (вечность-в-прошлом)»². И далее, перебрасывая мостик от церковного раскола к Петру: «Если у Никона будущее как идеал (социальная задача) еще уступает вечности, то у Петра Первого политика (будущее) берет решительный верх над религией (вечностью). Самоопределение по вероисповедному принципу (в свое время потеснившее принцип родовой) сдает позиции самоопределению по политической принадлежности, что... в целом указывает на конец Средних веков» (там же).

Итак, политика берет верх над религией, становится предельной **социальной** ценностью. В Европе это оформляется Вестфальским договором 1648 г. То есть «отсталая» Русь и «передовой» Запад осуществляют эту коренную трансформацию практически синхронно.

². Прохоров Г.М. *Культурное своеобразие Куликовской битвы // Куликовская битва и подъем национального самосознания.* – Л., 1979. – С. 16.

И еще одно очень важное обстоятельство. И эсхатологизм, и наследующий ему прогрессизм покоятся на линейном понимании истории. Которое, и это хорошо известно, пришло на смену циклическому; вернее, пониманию истории как циклического круговорота (правда, в привычном христианско-научно-европейском смысле здесь нет истории, исторического времени, развития и т.д.; жизнь человека и основополагающая временная единица (к примеру, год) слагаются из раз и навсегда данных, неизменных, повторяющихся элементов; не человек владеет «историей», а «история» человеком, определяет его судьбу, поведение). Однако и оно, линейное видение, ныне мало что дает для уяснения происходящего. Ведь если отказаться и от эсхатологизма, и от прогрессизма, весь *raison d'être* этого подхода исчезает. Не нагруженное этими идеями линейное развитие становится абсурдно-пустым, ничем, так сказать, не обеспеченным. Оно вообще тогда трудно представимо; не можем же мы всерьез считать, что этот автомобиль движется не из пункта «А» в пункт «Б», а просто из ниоткуда в никуда...

Так что же взамен? Что на место и вместо цивилизационно-формационного дискурса? Ну, во-первых, перед нами не стоит задача разрушения этого Карфагена. Его уже нет (и без нас). Ему, как сказала Н.Я. Мандельштам, разможили голову тем же «железным ободком, которым проломили череп Тициану Табидзе». Во-вторых, прежде чем формулировать какую-либо историческую альтернативу, мы долж-

ны определить свое **местоположение**. Где мы? Куда загнал нас XX век?

Предшествовавший ему XIX век был полон всяких «литературных» ужасов и сногсшибательных научных открытий (Дарвина, например). Однако и Кьеркегор, и Достоевский, и Ницше, и другие оставались в пространстве слова, текста. Следующее столетие трансформировало все это в **дело**. Люди подтвердили, что происходят от обезьян, что Бог умер, что бытие определяет сознание и пр. Применительно к России об этом весьма ярко написано на последней странице «Доктора Живаго»: «Так было уже несколько раз в истории. Задуманное идеально, возвышенно, – грубело, овеществлялось. Так Греция стала Римом, так русское просвещение стало русской революцией. Возьми ты это Блоковское “Мы, дети страшных лет России”, и сразу увидишь различие эпох. Когда Блок говорил это, это надо было понимать в переносном смысле, фигурально. И дети были не дети, а сыны, детища, интеллигенция, и страхи были не страшны, а провиденциальны, апокалиптически, а это разные вещи. А теперь все переносное стало буквальным, и дети – дети, и страхи страшны, вот в чем разница».

Да, вот в чем разница. «Литература» обернулась злом. «Самый человечный человек» (как наивно полагал Маяковский) – «зверем, лизнувшим крови» (Роза Люксембург о том же самом человеке). А все мы вместе оказались припертыми к последней черте, последним рубежам. Но именно это

столетие и эти рубежи стали «местом и временем», на которых разворачивается, как сказал бы Лев Шестов, «“великая и последняя борьба” за смысл того, что значит быть человеком»³. Ушедший век был не только эпохой воцарившегося зла, когда миллионы и миллионы, целые народы уверовали в необходимость уничтожения себе подобных как в нечто абсолютно неоспоримое, он был эпохой героического сопротивления злу и мужества, которое, по справедливому мнению Пауля Тиллиха, есть категория онтологическая. «Эта борьба за человека, – пишет С. Лезов, цитируя Тиллиха, – и является “действием... ведущим в какое-то другое смысловое пространство”»⁴.

На этих рубежах и надо строить новую философию истории. Необходимы новая антропология, новое понимание и самопонимание человека. Это и будет обретением «другого смыслового пространства». Иными словами, на смену социальной революции прошлого века должна прийти персоналистская революция. Именно революция, а не реставрация, восстановление в правах и тому подобное. Это будет антропология человека не просто заглянувшего в бездну, но и – хотя это кажется непредставимым – коснувшегося ее. Антропология человека, дотронувшегося до пылающих адским огнем и мертвенным льдом глубин.

³. Лезов С.В. «Освобождение или выживание» // *Искусство кино*. – М., 1991. – С. 99.

⁴. Там же. – С. 73.

Итак, или философия истории (тип исторического понимания) станет по-преимуществу **персоналистской**, или не нужна (не возможна) никакая.

В каком же смысле **научно** антропология должна предшествовать историософии? Отвечу на этот вопрос, используя пример науки мне близкой – *political science* (это, как уже неоднократно приходилось писать, не вполне то, что у нас полагают «политологией»). Более тридцати лет назад известный немецкий философ Г. Майер отмечал: «Неотсутствие концепции государства есть проблема нашей политической науки, проблема состоит в том, что до недавнего времени господствовала концепция, которая не основывалась на определенной, неизменной антропологии; это лишало политику и государство их всеобщего характера»⁵.

Итак, антропология должна предшествовать политике и государству. Эти последние, по мнению другого крупнейшего немецкого мыслителя А. Гелена, наряду с семьей, языком, правом суть **антропологические институты**. То есть некие **сущностные возможности**, которые реализуются (или не реализуются) в истории⁶. Следовательно, **определенная** антропология влечет за собой **определенный** способ и тип манифестации человека в историческом процессе.

⁵ . Maier H. *Politische Wissenschaft in Deutschland: Aufsätze zur Lehrtradition und Bildungs-praxis*. – München: Piper, 1969. – S. 96.

⁶ . См.: Grenz P. *Adornos Philosophie in Grundbegriffen: Auflösung einiger Deutungsprobleme*. – Frankfurt a. M.: Klostermann, 1974. – S. 245.

Или, короче, – сам исторический процесс. В **этом** смысле антропология предшествует истории, историософии.

Однако здесь возникают некоторые сомнения. И связаны они вот с чем. Мы говорим: персоналистский подход к истории. Но персонализм, понятие личности суть родовые признаки исключительно одной религии: христианства. И, соответственно, цивилизаций, им порожденных, – византийской, европейской, русской. Другие религии темы «личность» не знают. Так же как и основывающиеся на них цивилизации (всю доказательно-объясняющую часть я опущу, она общеизвестна).

И в **этом** смысле, наверное, правы те исследователи, которые говорят об уникальности и одновременно универсалистской основе христианских культур. Прежде всего – западной. Иными словами, с одной стороны, западная цивилизация, с другой – все остальные. Действительно, если взять две основные категории философско-исторического знания – «время» (социальное время / вечность) и «пространство» (локальное / внелокальное), – мы убедимся в наличии этой фундаментальной несхожести:

Восток (цивилизация)	(нехристианские)	Пространство	Локальность	Вечность-в-настоящем (в христианском смысле проблема времени / вечности не артикулирована, время не отчуждено от вечности)
Запад (или цивилизация)	христианская	Время	Внелокальность	Вечность вынесена из настоящего (за пределы социального порядка, транспонирована) ⁷

⁷ Настоящая таблица является усеченным и несколько

«исправленным» вариантом таблицы, впервые опубликованной в работе «Русская Система» (авторы – Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов). См.: Политическая наука: Теория и методология. – М., 1997. – № 2. – С. 130.

Таким образом, все нехристианские цивилизации развиваются в локальном (ограниченном) пространстве и не знают социального времени. Христианская цивилизация полагает себя в социальном времени и внелокальном (неограниченном) пространстве. Она – по своим базовым установкам – всемирна и универсальна. Главным образом потому, что христианство впервые и единожды (в мировой истории) создало индивидуального (исторического) субъекта, независимого ни от каких локальных коллективно-племенных форм. Причем этот субъект носит персоналистский и социальный характер. Персоналистский, поскольку христианство – личностная религия: в ней, как уже говорилось, и возникает тема «личность». Недаром на известной картине Н.Н. Ге Христос молча опускает голову, когда Понтий Пилат спрашивает: «Что есть истина?» Ведь истина в христианстве не «что», а «Кто». Он, Христос, и есть Истина. Социальный, поскольку этот индивидуальный исторический субъект помещается в обществе. В то время как реальный субъект локальных азиатских цивилизаций вынесен за общественные рамки и существует в виде либо мировых безличностных законов (ме, карма, дао), либо зооморфных богов⁸.

⁸. Об этом также подробнее в «Русской Системе».

Отсюда-то и растут мои сомнения. Персоналистский подход к истории, персоналистская историософия возможны и органичны лишь в пределах христианского мира. Ведь социально-исторически христианство находится в неких границах. Его универсальность и всемирность только интенциональны.

А мы, русские, способны ли соучаствовать в формировании персоналистской историософии? Думаю, да. И даже, наверное, можем сыграть здесь особую роль. Во-первых, мы страна христианская (что бы там ни было). Во-вторых, православно-русский извод христианства имеет свою существенную специфику; и именно она окрасит персоналистское видение в те самые – неповторимые – тона. В-третьих, русский человек в последнем столетии так нахлебался горя, что, если сумеет извлечь из этого урок, он, не исключено, окажется небесполезным для всех. Все это так. Но и здесь есть сомнения. И состоят они в следующем.

Разумеется, русский коммунизм не был случайностью. И относиться к нему как к чему-то такому, о чем поскорее хотелось бы забыть, перевернув страницу, поскорее бежать прочь, нельзя. Напротив, в него стоит всмотреться. И тогда увидим не только коммунизм сам по себе, но и то, что зрело и, увы, вызрело в отечественной культуре, увидим многие родовые черты русского феномена.

Наше сознание (и наша мысль) не знает (в общем и целом) различения бытия (Sein) и долженствования (Sollen), на ко-

тором построены и западная философия, и западная социальная система. Русский опыт – это взаимопроникновение *Sein* и *Sollen*, их переплетение. Точнее: нет никаких отдельных друг от друга бытия и долженствования, есть некий социокультурный «андрогин» – *Sollen-Sein* (в одно несуществующее слово). Коммунизм и был апофеозом этого «андрогина».

Заметим: это не единственное химерическое с научно-европейской точки зрения явление, произрастающее на Великой русской равнине. Смею напомнить, к примеру, о властесобственности. Или вот еще: эсхатологизм-прогрессизм. В рамках отечественной культуры эсхатология сплетена с прогрессом. Одно переходит в другое, одно есть другое. Эсхатология парадоксальным образом лишена потустороннего измерения, а прогресс вырывается из границ посюсторонности. «Сказка» становится «былью», «быль» превращается в «сказку». То же самое можно сказать и об андрогине «Historie-Geschichte». У нас они сиамские близнецы (правда, пожирающие друг друга)...

Полной реализацией такой самобытности и стал русский коммунизм. Тенденции он превратил в железобетонные факты, мечтательную нерешительность – в грубый волевой напор, мягкотелый релятивизм – в стальной, закаленный арктическими выюгами, детерминизм. Но главное: коммунизм был ударом в солнечное сплетение русского общества. Ударом в человека, в христианской стране – в личность.

Однако ударом настолько коварным, что сами человеки даже сегодня до конца не могут уразуметь происшедшего. Коварность же коммунизма в том, что он представляет собой абсолютную власть всех... над одним. Это предельно массовая власть, утверждающая неограниченное господство человека над историей и природой и требующая ради реализации этого безупречного социального порядка лишь одного, пустякового, – растоптать личность (в христианском смысле). Причем, когда мы говорим «власть всех над одним», этот один всегда – «ты». И ты, и ты, и ты тоже... Избежать не удастся (не удалось, свидетельствую) никому. Ни товарищу Сталину, ни другим товарищам, ни тем, кому тамбовский волк товарищ. Помните: «Ты, я, он, она, вместе целая страна»...

Впрочем, достаточно историософии и историософских предположений. Вместо выводов процитирую двух великих людей XX столетия. Раймон Арон: «L'homme est dans l'histoire, l'homme est historique, l'homme est histoure». Борис Пастернак: «История не в том, что мы носили, / А в том, как нас пускали нагишом». – Как говорится, привет историкам «повседневности», историкам «фактов», «рабам» архивов.

* * *

Но для наших целей – понимание российского общества в разных его измерениях – одной историософии мало. И далеко недостаточно «сменить вехи» в ней. Хотя, конечно, необ-

ходимо. Надобно вообще перейти на какие-то иные методологические позиции. На какие – ясно и определенно не скажу. Как и прежде, нахожусь в постоянных методологических сомнениях. Вместе с тем привычные для отечественной науки подходы, еще недавно как будто бы всех устраивавшие, на глазах становятся контрпродуктивными, теряют свою объяснительную силу. Дело, наверное, в том, что изменился *Zeitgeist*, и эти подходы перестали ему соответствовать. Ну и, наверное, феномен «СССР» настолько феноменален, что требует методологической ревизии, методологической перемены, методологического **расширения** (почему выделено это слово, станет ясно чуть позже).

Итак...

Исследователи, наблюдатели, современники не могут понять, что происходит в России: то ли строится какое-то новое общество – тогда какое; то ли возрождается советское общество – но в каких облициях; то ли появился какой-то *mixt* «старосоветского» и нового. Все настолько противоречиво, что ничего неясно: у нас рыночная экономика или превалирует государственное регулирование, мы свободны или нет, советские мы люди или какие-то другие, верим мы в Бога или нет, бедные мы или богатые и т.п.? Есть масса доказательств в пользу и одного, и другого.

Такая противоречивость, видимо, характерна для всех современных обществ. Дело лишь в масштабе противоречий. Но наша проблема – в другом. Русская история, поми-

мо всех своих известных традиций и закономерностей, даже «повторяемостей», обладает еще одним свойством – константой социального бытия, сохраняемой несмотря на все громадные изменения. На это, с моей точки зрения, обращается недостаточно внимания, хотя оно является очень важным для понимания некоей русской «энтелехии»: того, что можно назвать «русским» (по аналогии с немецким, французским, польским). Учет этого качества очень важен и для ответа на вопрос: что же у нас происходит?

В чем же заключается это качество? – Россия не решает своих ключевых вопросов (не находит решения, ключа), а изживает их.

Поясним то, что мы хотим сказать. Во второй половине XIX – начале XX в. главной проблемой России был «аграрный кризис». Страна не сумела его преодолеть, несмотря на героические, гигантские шаги и меры по его решению. Он был изжит. Образно говоря, произошло так: история пинком вышибла аграрный кризис из повестки дня и, сказав – «будет так», устроила всё на совершенно иной лад. Не община, хутора / отруба, – а колхоз / совхоз. Потом и последних не стало; общество вычеркнуло из «повестки дня» аграрную проблематику. Другие примеры. Ввели демократию, – не получилось; вводим управляемую демократию. Стали строить социализм – запутались в противоречиях. – Ну его! Будем строить капитализм. Это важнейшее русское качество, это – «русское».

Так почему же Россия не может решить своих главных социальных вопросов? Есть две важнейшие предпосылки.

1. У нас по сей день не произошел тот перелом в сознании, в ментальности, который давно уже «случился» в более «удачливых» христианских странах. Что имеется в виду? В Средние века и в раннем Новом времени в Европе сформировался современный тип сознания – абстрактное рациональное мышление. Естественно, что европейцы этих эпох его не придумали. Они завершили строительство этого здания, которое столетиями ваяли в рамках сначала греко-римской, а затем христианской традиции.

Вот элементарный пример того, в чем суть этого мышления. Когда мы говорим «стол», – это и конкретный стол, который стоит перед нами, и категория для обозначения всех возможных столов. То есть здесь фиксируются и единичность, и всеобщность.

А что из этого следует? – Не только прогресс науки с XVII в., когда был найден инструмент для изучения и описания мира. Новый взгляд на человека, гениально зафиксированный в живописи XVII в.: например, портрет астронома кисти Вермеера, хранящийся в Лувре, – это портрет конкретного человека и всего человечества как некой сущности, некоего социобиологического вида.

2. Эта трансформация сознания привела к изменению типа общества. Произошел переход, условно говоря, от традиционного социума к современному, в котором мы с вами жи-

вем. Что это означает? В основе нового типа сознания лежит принцип соединения «несоединимого»: единичности и всеобщности. Но, конечно, не случайно он появился в христианском мире: сама идея Троицы предполагает единство единичности и всеобщности – Бог обозначает и какую-то одну сущность, и три разные сущности. Что ни в какой мере не является противоречием.

Утверждение такого типа сознания предполагает обязательность альтернативно-целостного мышления. Целостность строится на принципе альтернативности; альтернативность есть обязательное следствие целостности. И вот какое общество возникло в результате этого и многого другого. – Оно целостно, поскольку хаос, анархия, смута, распад, которые ему постоянно угрожают, постоянно же преодолеваются. Во всяком случае, тенденция такова. Но целостность общества обязательно предполагает наличие относительно автономных сфер жизнедеятельности человека: политики, экономики, права, культуры, религии, эстетики и т.д. А также наличие различных социальных, профессиональных, конфессиональных и тому подобных групп.

И вот что самое важное: самостояние и целостность европейско-христианского человека необходимо включает в себя множество его идентичностей. И, повторим, именно это множество и обеспечивает целостность и устойчивость. Это означает, что один и тот же индивид одновременно сторонник той или иной политической партии, член той или иной

экономической группы, того или иного религиозного объединения, сторонник одних или других жизненных идеалов. То есть человек представляет собою совокупность различных идентичностей, и ни одна из них не является определяющей. Определяющей является их неповторимо индивидуальная совокупность – у каждого своя.

Кстати, в этом коренное заблуждение марксизма, который полагал самой важной характеристикой индивида его отношение к собственности. (То, что было для западного марксизма заблуждением, для русских стало одной из важнейших причин трагедии XX столетия.) При этом человек как комбинация идентичностей в различных социальных сферах не является рабом раз и навсегда **этой** комбинации. – Она может меняться в ходе его жизни: переход в другую религиозную конфессию, обретение нового экономического статуса и социального положения. Но еще раз подчеркнем: именно плюральность (или плюрализм) обеспечивает единственность и единство, неповторимость человека, его устойчивость как общественного индивида – и, соответственно, устойчивость всего общества. Плюральность является залогом развития общества, его движения, того, что оно не застывает в раз и навсегда «данных» ему формах. Общественное развитие предполагает постоянное перманентное изменение идентичностей в человеке и обществе, которое может происходить как в драматических революционных формах, так и в более мягких эволюционных.

Здесь мы подошли к главному для нашей темы вопросу. Человек в таком обществе обречен на постоянный выбор. Выбор – это ключевое слово для современной личности. Если хотя бы в одной из сфер своей жизнедеятельности она лишена права выбора, начинается разложение всего общества, а не только этой сферы. – Именно потому, что все общество построено на выборе.

Но обратим внимание: речь идет о выборе христианско-европейского типа. С одной стороны, это выбор в рамках той или иной сферы (религиозной, экономической, политической); с другой – выбор во все расширяющемся пространстве общества. Под расширяющимся пространством общества – и это тоже одно из качеств западного социума – имеется в виду не пространственное или количественное расширение (хотя возможно и это), а прежде всего расширение, так сказать, качественное – умножение его качеств.

Например, XX век последовательно привнес в общество новые важные для него сферы: открытие подсознания и бессознательного как одну из определяющих сфер, в которой во многом протекает жизнь людей; сферу взаимоотношения мужчины и женщины на основе равенства полов; электронную сферу, целый электронный мир, в котором человечество реализует себя (электронное правительство, электронный документооборот и т.д.) (кстати, ей предшествовало развитие вообще сферы СМИ); экономическую сферу и т.д. И во всех старых, традиционных и новых сферах чело-

век стоит перед выбором.

При этом происходит усложнение индивида, поскольку увеличивается количество сфер, где он обязательно должен сделать выбор. И природа этого выбора так же очень сложна, как и природа самого общества. Во-первых, выбор постоянен. Во-вторых, он сам предполагает возможность смены предпочтений. В-третьих, выбор не может разрушить целостность ни конкретной сферы, ни всего общества. Выбор, ведущий за пределы данной сферы, данного общества, самоубийствен как для индивида, так и для всего общества. Именно поэтому в социуме существуют защитные механизмы различного типа – религиозные, культурные, правовые и т.д.

Вся эта сложность, повторим еще раз, связана с современным типом сознания. Вот пример: вопрос о собственности. Он относится как к правовым, так и к экономическим сферам жизнедеятельности общества. Европейская история знает различные виды собственности – частную, корпоративную, государственную или собственность на землю, средства производства, на недвижимость. В прошлом Запад знал собственность и на человека в форме собственности на его тело, время и волю. XX век «придумал» смешанные формы собственности, интеллектуальную собственность и право собственности человека на свое тело. – Да, формы собственности разнообразны, человек имеет возможность выбора, но есть то, что объединяет разнообразие. Это, во-первых,

всеобщий правовой характер; во-вторых, социальная ответственность всех форм собственности перед обществом как целым. Как только начинает разрушаться равновесие между плюрализмом и целостностью, запускаются в работу защитные механизмы общества. Скажем, экономическая история Великобритании и Франции XX столетия – это история сменяющих друг друга через определенные промежутки времени приватизаций и национализаций, каждая из которых была призвана вернуть равновесие различных форм собственности.

Скажем, типичный пример современного человека – герой кинофильма «Красотка», роль которого исполнил Р. Гир. Он постоянно покупал разорявшиеся компании, помогая их банкротству, а затем продавал их по частям и получал прибыль. То есть это человек, специальность, повседневность которого связана с постоянным выбором, который, однако, ограничен официально-правовыми внятыми правилами игры (проходит только в их рамках) и принципом экономической эффективности. В случае нарушения правил деятельность этого человека станет невозможной и ненужной этому обществу. Далее, его выбор «связан» культурными и этическими нормами, господствующими в этом обществе. Условно говоря, экстремизм выбора человека купируется здоровым консерватизмом окружающей его среды, коллективным бессознательным этой среды, блокирующими излишество и чрезмерность того или иного выбора.

То же самое в других социальных сферах. Человек владеет своим телом, т.е. физическим здоровьем, психикой и т.д. Но если какие-то группы выбирают алкоголизм и наркотики, общество в тот же час начинает борьбу с выбором в «пользу» саморазрушения.

Или тема религиозности, конфессиональности и свободы совести. Человек может быть убежденным католиком, потом в силу каких-то причин стать атеистом. Но он все равно останется в пространстве религиозно-христианского выбора и в пространстве культуры, т.е. в поле действия христианско-католического понимания того, что есть добро и зло, что можно и чего нельзя. Более того, человек, оставаясь католиком, может перестать быть ревностным прихожанином, сохранив некоторые основы католической веры, но резко отдалиться от церкви.

Какой же из всего этого вывод может извлечь отечественная наука? Какой методологический подход «вычитывается» из этого полагания? Ответу коротко: **поссибилистский** (от английского «possibility» – возможность) **подход**. Далее раскрою в чем, на мой взгляд, его суть. При этом придется повторить ряд положений из приведенного суждения. Этот повтор необходим не для заучивания, а для усиления контекста.

Советско-русский марксизм-ленинизм, по-прежнему имеющий неплохие позиции в нашей науке, утверждает: место человека в обществе определяется его классовым про-

исхождением и положением. Ты – пролетарий, ты – буржуй, etc. Всё, на этом точка. Тебя – на руководящую работу, тебя – к стенке. Индивид обладает одной идентичностью (если даже допускались еще какие-то, то как третьестепенные, несерьезные, неважные), и она детерминирует твою судьбу. Классовая принадлежность – эта идентичность была пришпилена к человеку намертво, что оказалось похуже античного рабства, средневекового крепостного права, североамериканского рабовладения. Она была безвыходной, безвыборной.

Но возможен и принципиально иной подход: Именно: **возможен**, поскольку он **возможностный**. Причем в двух смыслах. **Первое**. Предполагает у субъекта несколько идентичностей (мы уже обсуждали это). К примеру: житель ЕС, француз, католик, предприниматель, мужчина, член такой-то партии, член Общества по охране окружающей среды, etc. **В каждом отдельном случае** этот человек может **выбирать** себе преобладающую идентичность. И главное здесь – сам **факт выбора**. Свобода выбора есть **онтологическое качество** человека. При этом следует помнить: выбор всегда ограничен. Это то, что является непреодолимым барьером для социальной энтропии (и это обсуждалось нами). Хотя, конечно, история знает примеры преодоления этого барьера. Как правило, выход за пределы, скажем мягко и нейтрально, культуры есть суицид индивида и(или) социума. Христианство является нагляднейшей «демонстрацией»

и онтологичности свободы выбора, и гибельности отказа от этой свободы, и самоубийственности, игнорирования «барьеров», «рамки» etc. **Второе.** Возможностный подход означает **принципиальную необходимость** различных, с разных позиций, теоретических описаний исследуемого предмета. Почему? – Здесь несколько «резонов». Сначала отвечу околично. Вспомним уравнение Шрёдингера и его принцип дополнительности, квантовую физику, теорию относительности Эйнштейна, построения И. Пригожина, концепцию лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Вспомним, что писал в своем послевоенном дневнике сумрачный германский гений Карл Шмит: «Квантовая физика... родилась... из понятий неокантианства» (11.01.1948); «Сегодня каждый физик знает (раньше это было ясно только хорошим теоретикам познания), что наблюдаемый объект меняется в процессе наблюдения над ним» (03.12.1947). Ну и так далее.

Теперь без околичностей и совсем просто. Попытки понять исходя из различных теоретических оснований, под различным углом зрения дают **стереоскопические видения** предмета изучения⁹. Этот предмет, как бы искупавшись в различных водах, предстает и таким, и этаким.

Главное же: возможностный подход создает возможность выбора, обеспечивает свободу выбора идентичности. Пример: бесконечный и бесплодный (в **определённом** ракурсе)

⁹. Крайне важна тема: «предмет изучения». **Что** анализируем. Но об этом в следующий раз.

спор о том, есть ли Россия часть Европы (отсталая, особая) или самостоятельная цивилизация. Эта дискуссия измотала, обескровила русскую мысль (одновременно – это ее фирменный знак, ее блеск и завораживающие прозрения). Возможностная позиция переводит спор в иную плоскость. **Можно выбирать:** европейскую идентичность и русскую идентичность. Заметим: «и» (а не «или»). За нами и Россией свобода выбора. Чем она хочет быть или стать, чем является и чем нет. При этом повторю, возможно «и». То есть – открываем карты – свобода выбора идентичностей и есть важнейшая из идентичностей, и есть онтология историософии, самопознания.

Еще раз: Россия («мы») может выбирать. В этом – главное. У меня есть статья – «Россия: между Европой и Евразией». Странное, казалось бы, название. Неужто автор полагает, что между Европой и Евразией имеется какое-то «место», «положение» – географическое (пространственное), смысловое, социоисторическое, культурное etc? Во-первых, да. Как раз сегодня, да. Как только Россия сократится до Урала (тенденция просматривается явственно), Сибирь и Дальний Восток перестанут быть евразийскими. Они станут североазиатскими. Мы вновь сосредоточимся на Русской равнине. Мы окажемся между Европой (куда войдут и Украина, и Белоруссия) и бывшим Востоком Евразии, наступающей Северной Азией и наличной Средней Азией. И наш путь будет отличаться и от тех, и от других, и от третьих.

Во-вторых, у России всегда есть выбор ориентации: на Европу или на евразийский путь. В-третьих, России вообще как будто нет. Она и не Европа, и не Евразия, а поскольку те «стоят», плотно прижавшись друг к другу, то ей и места нет. В-четвертых... в-пятых...

Понятно, что все это игры ума. Но «поиграв» так, мы неожиданно видим, открываем для себя новые возможности не только для нового знания о России (а это есть задача науки), но для ее самоопределения, самоидентификации.

И последнее относительно уточнения наших методологических подходов.

Не только в науке, но и в «повседневном» сознании людей господствует убеждение: везде и всегда человек в общем-то равен самому себе. Он рождается, развивается, стареет, умирает. Он подвержен болезням, страхам, надеждам. Он хочет есть, пить, получать удовольствие, реализовывать половые потребности: он продолжает род и т.д. Так ли это? – Конечно, так. Несмотря на все громадное различие исторических, цивилизационных и прочих типов человека, последний всегда был и остается просто человеком. Это, так сказать, первый уровень понимания. Из него делается вывод, согласно которому социальная жизнь в общем и целом тоже одинакова. То есть существуют исторические, цивилизационные и прочие разновидности этого порядка. Повторю: разновидности **одного порядка**. Именно это дает возможность строить **общую** для всех эпох и народов **социальную науку** (теорию).

Однако имеется и второй уровень понимания человека – культурный, культурологический. Он исходит из того, что «человек культурный» не есть разновидность некоего одного «человека культурного». Напротив, существуют разные «человеки культурные». С разным отношением к жизни, смерти, Богу, еде, природе, «сексу», власти, производительному труду, эстетике, этике, «деньгам» и т.д. И здесь общая для всех социальная теория не годится. Для каждого «человека культурного» нужна **своя социальная теория**. А затем и своя социальная инженерия.

Все это мысли небогатые, тривиальные. Однако, боюсь, наша история и социальная практика стали заложниками ментального «misunderstanding». Вот пример: М.С. Горбачёв говорил: Н.С. Хрущёв сделал ошибку. – Он пытался проводить экономические реформы, не трогая «политику». Мы же начнем с «политики» («демократизации»). – Обоим история сделала «укорот». Оба (точнее: их советники, идеологи, теоретики) не знали русского «человека культурного» и русскую культуру. Так, они не догадывались, что в рамках русской системы «политика» не отделена от «экономики». Что существует некая социальная целостность, куда они, и не только они, входят. И реформировать порядок можно исходя из **этого знания** об этой русской **эссенции**.

НОРМАЛЬНЫЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ (К вопросу об идеологии демократического государства в России)

В.А. Ковалёв

**Ковалёв Виктор Антонович – доктор
политических наук, профессор
Сыктывкарского госуниверситета**

**Национализм и национальное государство
как альтернативы экстремизму,
приватизации власти и распаду**

После событий 2010 г. – драматического выступления «приморских партизан», отчаянного бунта русской молодежи на Манежной и других подобных столкновений – стало ясно, что «русский вопрос», проблему русского национализма не удастся и дальше замалчивать и маргинализировать, как в официальном, так и научном дискурсе.

Проблема, на которую в «мейнстриме» ведущихся дискуссий и публикаций было фактически наложено табу, прорывается на поверхность и дает о себе знать в комментариях, порой в самых неожиданных местах. Так, к примеру, суперлиберальная и, мягко говоря, не отличающаяся симпатиями по отношению к русскому движению «Новая газета» недавно напечатала обзор известного политтехнолога, где тот размышляет об альтернативах и будущем России. Наряду с весьма вероятным распадом или попыткой возрождения Империи вариантом развития событий выступает НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: «В России его никогда не было. Но это не значит, что оно невозможно. Просто русские – это спящая идентичность. Национализм в России еще не победил только потому, что час его еще не пробил. Слова про “угрозу национализма” звучат забавно. Поскольку национализм, возможно, – это не угроза, а панацея. Во всяком случае, очень сложно добиваться в России демократии и подступаться к модернизации, отрекшись от национализма. Который, собственно, и предполагает формирование нации как сообщества политически равных, социально солидарных людей, принадлежащих к одной культуре. Только новый русский национализм может поменять извечную парадигму нашего политического мышления и превратить “власть от Бога” (неизбежное условие империи) во “власть от народа”. Также ясно, что национальное государство, если оно возникнет, будет построено преимущественно руками национали-

стов. В современном европейском смысле этого слова.

Правда, новому национальному государству придется частично дезавуировать свое правопреемство по отношению к Империи, главной функцией которой всегда было беспощадное высасывание соков из собственного порабощенного (окупированного) народа» (1, с. 8 – 9).

В таком политическом проекте нет ничего нового (кроме места публикации подобных взглядов). Многие, включая автора этих строк, и раньше утверждали, что России давно следовало освободиться от бремени имперской ноши и трансформироваться в национальное государство с демократическим и федеративным устройством, которое позволит при благоприятном стечении обстоятельств освободиться от привычки верхов к «приватизации власти», «властесобственности» и т.п. Ни советский, ни постсоветский опыт так и не привел к успешной трансформации империи в государство *современное*. По сути, политические отношения в нашей стране сохраняются в глубоко архаичной, неопатримониальной, «феодальной» форме (недаром ельцинский федерализм многие сравнивали с неофеодализмом, говорили о «региональных баронах» и т.д.). По нашему убеждению, современное, так называемое *национальное государство* (Nation-State, l'Etat-Nation) невозможно создать без национализма. Конечно, учитывая огромные размеры, контрасты, сложности и противоречия нашей страны во всех буквально областях, российское национальное государство

должно принять форму федерации. Но отечественный федерализм обречен оставаться пародией на свое предыдущее, неоимперское воплощение («путинский» по отношению к советскому и т.д.), до тех пор, пока население страны через механизмы современной демократии не обретет возможностей реального контроля за своими элитами, не станет политической нацией. А нации – как справедливо считал, например, Э. Геллнер – создаются национализмом (2). Каким же может быть в России такой – созидающий политическую нацию и современное государство национализм? Только русским. Я здесь полностью солидаризируюсь с тем выводом, к которому пришли Татьяна и Валерий Соловей: «Русские – единственный народ страны, массово отождествляющий себя *со всем ее пространством* (курсив мой. – В.К.) и считающий себя за нее ответственным. Россия и русские – тождество, одно невозможно без другого. Теоретически Россия может существовать без любого из населяющих ее народов. Хотя наша этническая и культурная палитра при этом обеднеет, но Россия сохранится. Ослабнут русские – исчезнет Россия. Пора признать и принять очевидное: Россия может быть только государством русского народа или ее вообще не будет как государства. Это не значит враждебности такого государства к другим живущим в нем народам или их дискриминации в пользу русских. Фундаментальные интересы русского народа и других этнических групп России не противоречат друг другу и совпадают» (14, с. 428). Однако про-

явление этих фундаментальных интересов невозможно без демократии. Помимо опоры на русский народ и формирования новой российской идентичности, Россия сможет сохраниться как жизнеспособное государство также путем вывода национального вопроса, проблемы многонациональности из сферы политики в область культуры (всяческой поддержки национально-культурных автономий), а также развития местного самоуправления – «самой близкой народу власти». Полагаю, что все же в будущем сохранится возможность возвращения к практике свободных выборов, которое призвано будет укрепить страну, сделать ее политическую систему более гибкой и страховать от распада в случае того или иного катаклизма (социального, экономического, экологического и т.д.) (4, с. 116–117).

Но без соответствующей идеологии, в данном случае – демократически ориентированного русского национализма ничего этого не получится и политические реформы, политическая модернизация опять сорвутся и / или будут симулироваться.

Понимание национализма и невозможность его однозначных трактовок

Национализм здесь понимается как *основанная на позитивных чувствах к своей нации идеология, побуждающая к политическому действию в национальных интересах*. Хочу

сразу объяснить, что речь идет не о строгой научной дефиниции, а именно о *понимании*, точке зрения, подходе к явлению именно с данной стороны. Конечно, можно отдавать себе отчет, что такое понимание страдает серьезной неполнотой. Можно, скажем, добавить такие признаки национализма как утверждение национальной идентичности выше всех других и стремление к созданию (сохранению) государства-нации, совпадению этнокультурных и государственных границ, выдвижение нации как главного объекта лояльности и основания легитимности и т.д.

Определения национализма могут быть и другими, их десятки. Но при этом к самой возможности дать исчерпывающее и устраивающее большинство определение национализма я отношусь с предельным скептицизмом. Не существует общепризнанных истин о национализме, их просто не может быть в силу природы рассматриваемого явления.

Однако такая позиция не является каким-то оправданием сплошного произвола, чистым релятивизмом и т.д. При множестве подходов к феномену национализма довольно легко разделить их на две большие группы. Первая определяет национализм как нечто объективное, возникающее в тот или иной исторический период, связанное с определенными процессами (модернизацией, появлением национальных государств, становлением современных наций и т.д.) и поэтому неизбежное в современном мире. Такие определения нейтральны в политическом, социальном и моральном отноше-

нии и потому имеют больше оснований считаться научными. Вторая группа подходов к национализму ставит цель стигматизировать это явление, связать его непременно с ксенофобией, насилием, пренебрежительным высокомерием по отношению к людям других национальностей и т.п., таким образом заклеив национализм как нечто постыдное и недостойное нормального и цивилизованного человека. Понятно, что такое отношение к национализму проистекает чаще всего из определенных политических целей и за ними просматриваются интересы ожесточенной экономической и политической конкуренции, задачи завоевания и утверждения господства. (Могут быть и промежуточные варианты, допустим, на определенном этапе национализм воспринимается как прогрессивный, а потом он превращается в реакционный; национализм одних народов трактуется как «плохой», а других – как «хороший».)

Однако специфичными для российской ситуации являются случаи, когда за рубежом для различных проявлений и этапов развития национализма предлагаются довольно адекватные и научно выверенные оценки, зато, когда речь идет о национализме *русском* – то оценки приобретают негативный и нередко идеологически ангажированный, русофобский характер. Таких случаев, к сожалению, не счесть.

Вот, к примеру, один из авторов выпускает грамотное и теоретически обоснованное учебное пособие, посвященное национализму (8). Но когда он же пишет исследование о со-

временном русском национализме, то не только не находит в нем ничего положительного, но и включает в объект своего рассмотрения кого угодно – от коммунистов до чиновников, от Чубайса (!) (с идеей «либеральной империи») до державников, евразийцев и т.п. Однако собственно националисты там практически не представлены.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Двойные стандарты характерны не только для «ученых», выступающих в роли «правозащитников», они стали нормой для официальных лиц и работников правоохранительных органов. И эта традиция имеет давние истоки. Так называемые «правозащитники», совсем в духе советского (антирусского) интернационализма говорили о страданиях других народов – от чеченских бандитов до прибалтийских нацистов, но в упор не замечали ущемления прав и издевательства, которые прокатились по бывшим «братским» республикам по отношению к русскому населению (11). Преступление есть преступление, и преступники должны быть наказаны вне зависимости от национальности. В современной РФ это далеко не так (12). Вспомним, что причиной выступлений 11 декабря 2010 г. (которые были заклеены как «экстремистско-фашистские») стало циничное прощение убийц русского парня. А ведь сколько еще можно назвать подобных случаев. Как написал по этому поводу Всеволод Емелин (которого за это хотели привлечь к уголовной ответственности):

«Вот русский лежит с простреленной головой. / С его стороны конфликт был национальный, / С противоположной стороны – бытовой».

Мы можем с полным основанием говорить, что одной из причин такого безобразия является ангажированная позиция ряда «ученых» и общественников с их двойными стандартами и отказом от объективного рассмотрения существующих проблем. Так, на тему русского национализма в этой среде наложено табу; для ряда чиновников, общественников, обществоведов ее оценка априори может быть только негативной. Представители этой точки зрения в России изрядно преуспели; добрая половина россиян воспринимает национализм именно в отрицательном значении, и лишь меньшинство понимает его нейтрально. К ужасу общественности все большую популярность приобретает третий вариант: вы приписываете нам набор отрицательных свойств, вы осуждаете наш национализм, но мы и будем такими назло вам. И здесь уже не до точности словоупотребления! В стране, избавившей мир от фашизма, журналисты, правозащитники, политики определенного толка, так долго и упорно заклинали призрак «русского фашизма», что он со временем и стал приобретать все более и более явственные черты. Одновременно слово «фашизм» становилось все более и более бессодержательным (попытка ученых однозначно его определить не увенчалась успехом) и превратилось просто в ярлык для политических противников. При этом действитель-

но опасные черты фашистской (нацистской) идеологии и исторической практики получили популярность, окрасились в привлекательные цвета для части молодого и не очень молодого населения.

Схожая судьба была и у национализма. В устах многих представителей политических и культурных элит слово «националист» стало чем-то вроде дворовой «обзывалки». Чаще всего это относилось именно к национализму русских. Было очень модно наделять именно русский национализм самыми плохими, отвратительными свойствами, обличать его направо и налево; и обвинение в «интолерантности» было не самым сильным.

Разумеется, национализм, в том числе и русский национализм, может *быть таким*: неполиткорректным, шовинистическим, ксенофобским и каким угодно еще. Или – его *могут сделать таким*, запечатлев в этом образе, стремясь запретить навечно в подобном амплуа.

Но, как и любая идеология, тем более метаидеология, национализм с неизбежностью трансформируется от эпохи к эпохе, от страны к стране и бывает очень разным. Мы исходим из того, что национализм в современном мире, в современную эпоху глобализации (хотя бы как реакция на нее), при нынешнем типе общества совершенно неизбежен, вопрос в том, *каким* он будет. Нас интересует здесь в первую очередь судьба именно русского национализма.

«Забывать о нации», или этнологи как патологоанатомы

Но прежде чем рассуждать на эту тему, необходимо сделать еще несколько предварительных замечаний. Сама тема является столь многогранной и дискуссионной, что по многим пунктам можно застрять в бесконечных спорах. Например, попробуйте объяснить: что такое нация? какова ее природа? как соотносятся понятия «нация» и «этнос»? и т.д. Ученые давно и ожесточенно спорят по этим вопросам и будут спорить, кажется, бесконечно. Дискуссии эти отнюдь не бесплодны, но, на наш взгляд, и в понимании нации не может быть достигнуто однозначной трактовки; невозможна окончательная победа «примордиализма» или «конструктивизма», «эссенциализма» или «номинализма» – и какие бы там еще новые термины ни придумывались для обозначения исследовательских размежеваний, однозначной ясности это не добавит.

Необходимо признать, что ни одна точка зрения здесь не может претендовать на монополию, но их нельзя игнорировать. В различных ситуациях тот или иной подход может быть более плодотворным и полезным, однако в изучении других сторон явления он проявляет свои слабости. Дискуссия заставляет уточнять позиции, оттачивать аргументы, в споре вновь и вновь должна рождаться истина. Вот вроде бы

примордиализм стал совсем немодным, и представления о том, что нации «конструируются» стало очень популярным в научном сообществе, но вдруг и изнутри, и извне научной среды эту точку зрения атакуют ставшие вновь популярными расологические изыскания¹⁰ – своего рода крайняя форма «примордиализма». Можно, конечно, объявить их ненаучными, но это лишь доказывает, что строгой научности нет и в других позициях, исследователи, их разделяющие, также злоупотребляют политическими и этическими аргументами. Но – одно дело дискуссия в научном поле, а совсем другое, когда вдохновляясь не вполне или вовсе не доказанными в теории положениями появляются «эксперты», выносящие не вполне корректные или совершенно некорректные заключения, на основании которых людей осуждают на вполне реальные тюремные сроки. Нередко под видом научных и правозащитных центров в России существуют, по сути, центры организации ненависти и клеветы по отношению к «этой стране» и ее населению. Это – уже совсем другие сюжеты, которые, к несчастью, присутствуют в нашей жизни.

Скептицизм относительно строго научной трактовки национальных отношений, национальных проблем, национализма и так далее проистекает не только из понимания колоссальной сложности изучаемых явлений, но и из того факта, что строго рационально объяснить все это нельзя в принципе. Напомню, что в моем понимании национализм связан

¹⁰ . См: <http://www.velesova-sloboda.org/>

в первую очередь с «позитивными чувствами». Без чувств, без эмоций, никакой национализм невозможен, и на его трактовку они оказывают самое непосредственное воздействие. Ведь и политики, и ученые – это тоже живые люди со своими страстями, воспоминаниями, жизненным опытом. Конечно, здесь сильно упрощается исследовательская проблема, но не учесть чувственного восприятия мира, своей страны, «своего» и «чужого» нельзя. Рискнем привести аналогию. Возможны ли споры о религии? Разумеется, да – они сопровождают всю историю человечества. Но позиция человека, в душе которого живет искренняя вера в Бога, никогда не будет такой, как у того, кто к религии равнодушен. С национальными чувствами происходит то же самое: у кого-то они сильны, а у кого-то слабы или почти не проявляются. При этом человек верующий или национально ориентированный может относиться к другим с недоумением или жалостью, как к своего рода «лишенцам», которые обделены в жизни чем-то очень важным. Но какова будет позиция другой стороны: атеистов или интернационалистов – терпимость, скептицизм, равнодушие или стремление к агрессивному отношению к другим? Часто в нашей практике преобладала последняя из стратегий. С воинствующим атеизмом вроде покончено, но борьба с «националистами» продолжается и, как это ни странно, речь опять идет о чувствах большинства населяющего Россию народа.

Таким образом, на исследовательскую стратегию отноше-

ние к анализируемому объекту оказывает самое непосредственное влияние. В общем, научный анализ требует некоего аналитического «скальпеля». Но аналитик будет уподобляться либо хирургу, который выполняет сложную операцию с целью излечения больного (которое, конечно, невозможно, без адекватного диагноза), либо патологоанатому, которому для удовлетворения своего любопытства гораздо удобнее иметь дело с трупом. Похоже, что русские национальные интересы (политические, экономические, социальные, культурные) становятся объектом именно таких «экспертов-патологоанатомов» – для них они досадная помеха.

От того с каким чувством исследователи подходят к изучению нации и национализма, зависят и те приемы, к которым они прибегают.

Неполнота научного подхода к национализму – это неизбежный факт.

Говоря об описаниях русского национализма, необходимо высказать ряд претензий к потоку публикаций, которые претендуют на статус научной объективности, но по существу не соответствуют ее критериям.

Во-первых, отметим популярную, но совершенно не научную позицию двойных стандартов, когда русский национализм искусственно выделяется как нечто уникальное и априори плохое. Без сравнительного анализа его с аналогичными явлениями у других наций и в других странах в схожих случаях патологий, социально-опасных черт, как чего-то при-

сущего только и или в первую очередь именно русскому национализму (исторически или даже генетически запрограммированному). И автор, который вроде бы является вполне грамотным специалистом, знает и теорию, и практику национальных отношений, *вдруг* в случае с Россией заикливается на понятиях «язык вражды», «обаяние расизма», «русский фашизм» и т.п.

Во-вторых, язык описаний неадекватен изучаемому явлению. Даже если оставить стремление отечественных гуманитариев «ботать по постмодернистской фене», подражая очередному новомодному автору, часто язык их работ откровенно заимствован из зарубежного, инокультурного контекста, что приводит к откровенным концептуальным натяжкам. Причины этого могут лежать в стороне от чисто научных проблем. Связано это может быть с «грантовой зависимостью», стремлением угодить вкусам грантодателя и т.д. Мы не имеем, к сожалению, прочно институционализированного социогуманитарного знания еще во многих областях. Похоже нынешняя власть в таких исследованиях не очень и заинтересована, и часто «низкопоклонство перед Западом» проистекает от банальной материальной зависимости от него – тут уж научные поиски истины строго лимитированы установками заказчика. (Перефразируем известное: кто не хочет заботиться о своей национальной науке – будет заботиться о чужой.)

В-третьих, объект вырывается из контекста: историческо-

го, экономического, социокультурного, и / или эти же внешние зависимости трактуются в крайне упрощенном виде. Это упрощение видно, скажем, на примере бесчисленных комментариев к спору западников и славянофилов. Так, часто обращают внимание, с одной стороны, на то, что подобные дискуссии были характерны и для многих других стран, особенно с запаздывающей модернизацией, с другой – на беспрецедентную длительность этих споров, когда в современных словопрениях повторяются аргументы сторон прошлого и позапрошлого столетий. Не является ли более вероятным предположение, что этот кажущийся бесконечным спор связан с тем, что русский национализм никак не может добиться политической победы, самоутвердиться в виде русского национального государства? Чтобы было понятнее, сравним ситуацию с положением подростка, который влюбляется в кинозвезд, но никак не может повзрослеть, чтобы завоевать симпатии своих сверстниц. И сколько уже поколений «русских мальчиков» ведут бесконечные дискуссии, мечтают о соединении национального с политическим, и вынуждены как бы стыдиться этого, прятаться, потому что их со всех сторон убеждают в патологичности их желаний, по существу, политически вполне оправданных, «естественных» с точки зрения представления интересов огромной этнической группы. Ну а то, что русский национализм приобретает порой патологические формы – не является ли следствием такого политического «воздержания»?

Можно сказать и больше. Очень многие явления в прошлом и настоящем России, которые вроде бы прямо относятся к области политического, невозможно в наличествующих обстоятельствах адекватно объяснить в политических терминах. Так, например, в конкуренции политических партий нет никакой собственно партийной политики, а присутствует лишь пиар маскировка; слова о государственном и национальном интересе маскируют криминальные коррупционные устремления и т.д. и т.п. В российском случае подобные «обманки» есть и у государства, и у общества, и «вверху», и «внизу». Национализм – это, безусловно, политическая идеология, но при отсутствии нормальных каналов ее политического выражения, она выходит далеко за пределы не просто нормальной, демократической политики, но и просто цивилизованного человеческого поведения. Или же откровенный криминал использует «национализм» в своих целях.

Резюмирую: если русский национализм исторически, объективно *неизбежен*, то пусть тогда будет *нормальным*. Русским людям нужно бороться за *нормальный русский национализм*.

Патриотизм, интернационализм и национализм

Национализм в некоторых случаях трактуют как реакцию на неудачную модернизацию. А ведь нужно рассматривать

национализм как важнейший ресурс модернизации, залог ее успеха. Где взять, как иначе пробудить духовную энергию народа для очередного модернизационного рывка, крайне необходимого уже не просто для развития, но и для выживания России? Ситуация сейчас кажется в некоторых отношениях хуже, чем в годы войны. Но как бы воевали наши деды, если бы вместо лозунгов защиты Отечества им предлагались коминтерновские тезисы? А вместо Суворова и Кутузова продолжали славить Розу Люксембург!?

Многих ли сейчас убеждает призрак неких общечеловеческих ценностей, особенно после того, как эти ценности были изрядно скомпрометированы? Повторимся: национализм может быть опасным, но и АЭС, скажем, тоже опасна, однако, попробуй откажись от атомной энергетики. Следует сознавать опасности национализма и в то же время использовать его мобилизационный потенциал.

Однако возникает вопрос, а стоит ли так настойчиво стремиться к использованию понятия «национализм», коль уж за ним неустанными усилиями его противников закрепился ряд негативных коннотаций? Пусть национализм будет «плохим», а вот «патриотизм» – хорошим. Мол, между патриотизмом и национализмом нет принципиальной разницы, как и между «разведчиками» и «шпионами», чувствуются только смысловые оттенки. Разница есть и принципиальная, особенно в том случае, если государство не стало государством-нацией, не достигло современного («модернового»)

состояния и его действия зачастую противоречат интересам большинства населения. Как в России. Патриотизм чаще всего требует лояльности и даже преданности существующему государству (со всем его аппаратом управления, принуждения и т.д.); национализм же будет настаивать на трансформации государства *в национальных интересах*. Для националиста первичны народ, нация, а патриот-государственник, ведомый этатизмом, оправдывает зачастую преступления, совершенные своим государством (наши «сталинисты» – нагляднейший пример).

Как можно не замечать принципиальной разницы между национализмом в России и национализмом в западных странах?! На Западе национализм как идеология и политическая практика формирует так называемое «национальное государство» и связан с ним теснейшим образом. Такой национализм могут позволить себе только сильные государства или страны, которые хотят стать сильными. (А вот если на «эту страну» махнули рукой, тогда национализм является помехой для ее окончательной утилизации.)

Для успешной конкуренции на международной арене, что немыслимо без внутреннего развития, нужен национализм как господствующая политическая идеология, хотя пусть он господствует не в одиночку, а в тандеме, скажем, с либерализмом. Но в России нет соответствующей политической практики, и, следовательно, даже в русском языке нет адекватного аналога этому понятию. Важно именно *словоупо-*

требление и связанные с ними коннотации – негативные или позитивные, все зависит от мировоззрения. Западный национализм (неважно, в данном случае, этнический или культурный) связан с нацией-государством как чем-то единым. У нас же государство и нация разведены по разным углам «ринга», по сути, свидетельствуют о продолжающейся гражданской войне «двух наций» (в смысле афоризма Дизраэли). «Патриотизм по-русски» обращен прежде всего к государству и имеет в качестве синонимов слова, которые принято писать с заглавной буквы: Родина, Отечество, Отчизна. «Национализм» же вызывает у государства немалые подозрения, как то, что может государству противостоять, оппонировать антинародной политике, проводимой тем или иным воплощением государственной бюрократии. Особенно, если речь идет о русском национализме, который, в отличие от немцев, французов и прочих англичан с американцами, так и не поднялся до воплощения в своем государстве. Разве сейчас зачисление в разряд «экстремистов» несогласных с политикой режима – это не доказательство того, что «национализм» и «патриотизм» по-русски означают весьма разные вещи, особенно если говорить о *патриотизме* не по отношению к стране «Россия», а по отношению к власти государства «Российская Федерация».

Почему эта проблема возникла и продолжает существовать именно в связи с положением русских в России? Здесь нет никакой специфической связи с национальным харак-

тером, тем более что устойчивые черты этого национально-го характера никем строго не определены, они постоянно трансформируются. Дело скорее в не преодоленном до сих пор наследии Российской империи, а затем Советского Союза, где великороссы несли основное бремя империи, но при этом жили хуже многих других. Примечательно, что большинство русских на закате существования Союза горевали об утрате советской идентичности, а потом уже о «российской» или русской: в национальных же республиках все было наоборот.

Вторая мировая война показала, что даже, развязавшее ее немецкое руководство, не говоря уже о западных державах, относилось к своим солдатам несравненно более бережно, чем советское военное командование и политическое руководство к русскому (в основном) «пушечному мясу». Русские заплатили за свой героизм миллионами невосполнимых жертв, быть может, лучшей частью своего народа! И опять мы видим попытки определенных идеологов мифологизировать прошлое: на одну чашу весов кладется сталинский тост «за здоровье русского народа», а на другую миллионы жертв сталинского режима – и «Сталин» перевешивает! Многие сегодняшние наши проблемы связаны именно с катастрофической нехваткой талантливых, умных, совестливых, *хороших* людей, истребленных в ходе противоестественного отбора, принесенных в жертву тому отвратительному Молоху, которому поклоняются наши «державники». Самоубий-

ственное самоослепление.

Отметим и то, что национализм успешно противостоял коммунистическому интернационализму на протяжении прошлого столетия, и он же в конце концов победил этот интернационализм. Именно национализм позволил странам Центральной и Восточной Европы и бывшим советским республикам сравнительно быстро освободиться от навязанного им социалистического эксперимента и утвердить свой суверенитет, а ряду из них и совершить более или менее успешный транзит к демократическому режиму.

У нас положение усугубляется тем, что русский национализм и ныне, как и раньше, серьезно болен.

Болезни русского национализма

Основные из них связаны с ситуацией политической неоформленности национальных интересов, несформированности нации-государства в России, да и, не в последнюю очередь, с политическими препятствиями для формирования русской политической нации (как основы для российской гражданской идентичности) из русского и других «народов», т.е. этносов в России. Русский национализм страдает как от политического бессилия, так и маргинализации в поле культуры.

Большой проблемой явилась и подмена национализма этатизмом, державническим патриотизмом. Принципиаль-

ной ошибкой русских националистов советского (да и досоветского), а теперь уже и постсоветского периода является упование на союз с властью, которая опять-таки не могла в силу своей коммунистической (имперской, олигархической) природы взяться за широкое отстаивание русских этнических интересов, не разрушая тем самым диктаторское государство, в самом названии которого не было никакого намека на народ, проживающий на территории одной шестой части суши. Националисты в партии и вне ее, печатавшиеся в журналах типа «Нашего современника», «Москвы», Молодой гвардии», «Кубани» и т.п. в годы памятной полемики эпохи гласности откровенно путали борьбу за «Великое русское дело» со схватками за литераторский паек, доступ в высокие кабинеты и прочие привилегии. Отсюда узколобость и кружковщина, непримиримость к носителям иной точки зрения и *антидемократизм*.

Есть еще одно заблуждение. Некое, по сути глубоко антинациональное, течение в политике и культуре у нас по недоразумению относят к «русскому национализму», часто с эпитетом «радикальный». Речь идет о «державниках», «имперцах» и т.п. Хороши же «русские националисты», готовые принести русскую нацию на алтарь нового глобального проекта, только бы он был антизападным.

Но «критики русского национализма» без обиняков записывают в ряды «националистов» М. Леонтьева, А. Дугина, А. Проханова, авторов газеты «Завтра», других «имперцев-дер-

жавников» и критикуют их¹¹ как представителей национального направления (10). На телеканалах в условиях жесточайшей цензуры эти же деятели также постоянно выступают в роли «националистов». Нелепей ситуации не придумаешь.

Но уже не только нелепость, но и нечто более злоещее просматривается в попытках одних выискивать следы «жидомасонского заговора», а других – неустанно обличать «русский фашизм». В итоге – копящийся потенциал ненависти, вспышки насилия и увлеченность части адептов национализма всякого рода экзотическими, контрпродуктивными с точки зрения перспектив политического успеха, идеями.

Да, русский национализм сейчас глубоко болен. Если в нем возобладает «скинское» направление, это будет страшно. Впрочем, и «скины» победы не добьются, их используют и уничтожат по типу «коричневых», штурмовиков. Но без национализма у нации не будет энергии для рывка, для возрождения, для модернизации, ее одолеет «малокровие». Вариантов по большому счету два: либо острый катаклизм, из которого можно и не выбраться живыми, либо тихая, без сопротивления смерть за несколько более длительный срок.

Какими, в принципе, могут быть идеологический окрас и движущие силы новых революционных выступлений? Здесь власть совершенно права, не видя для режима опасности в потерявших политическую энергию коммунистах и связывая основную угрозу для себя с русским национализмом. Соб-

¹¹ . *Наш разбор одной такой попытки см.: (5).*

ственно, такой ловкий демагог и манипулятор как В. Жириновский уже использовал эту тему на недавних выборах, выбросив провокационный лозунг «мы за русских, мы за бедных». К сожалению, отождествление русских с бедными в современной РФ имеет под собой слишком много оснований. Как справедливо утверждает В. Соловей: «Русские составляют социально подавленное и этнически ущемленное *большинство* (курсив мой. – В.К.) страны, социальное и национальное измерения в данном случае совпадают» (13, с. 282).

Но при этом в отсутствии работающих правовых и демократических механизмов разрешения противоречий в России (а везде и всегда есть *различные* интересы!), вне регулярно проводимых альтернативных и честных выборов, энергия несогласия и протеста может быть канализирована в экстремистское русло. Есть и подходящий «образ будущего». Дело в том, что в российской истории оказывается пока не реализованным сценарий правой диктатуры (условно говоря, «вариант генерала Корнилова»). В глазах немалого числа соотечественников этот сценарий может показаться привлекательным, особенно в связи с растущим хаосом, стремительно вытесняющим «гламурный стабилизец» путинского образца. В этом случае не будет дефицита в идеологических разработках, обосновывающих установление именно такого порядка. Но это тоже лишь очередной тупик, особенно если диктатуре захочется «восстанавливать империю».

Вариант пассивного смирения со своей судьбой дает лишь выигрыш во времени. Но как использовать эту отсрочку? Тем более во внешней среде, которая будет становиться по отношению к нам все более агрессивной, а ситуация внутри все более безотрадней (6).

Демократия как условие нормального национализма, национализм как опора демократии

Пример ущемления суверенитета народа в России особенно ярко проявляется в поощрении массовой инокультурной миграции в страну, несмотря на то, что по всем опросам, эта практика не нравится большинству жителей РФ. Разумеется, эта проблема, помимо этнического измерения, имеет причины, связанные с кризисом российского образования, проблем службы в армии, коррупции чиновников и «силови-ков», а также наглых бизнесменов, которые посылают всех, кто не имеет миллиарда, по известному адресу... Но при помощи ряда софизмов даже образованных россиян убеждают, что массовой миграции в страну нет альтернативы. Вот известный демограф, постоянно ратующий за привлечение рабочей силы из-за рубежа, говорит в интервью: «Представьте себе, что метеоролог предсказывает суровую зиму, а ему говорят: нет ваш прогноз нам не подходит, он требует очень больших затрат на отопление; мы поищем другого метеоро-

лога, чтобы он нам повысил температуру на несколько градусов. Абсурд? Но не в области демографии» (3, с. 261).

Если продолжить эту аналогию, то в случае угрозы холодной зимы надо утеплять окна и двери, затыкать щели, а не приглашать к себе в квартиру окрестных бомжей или приезжих, чтобы они танцевали лезгинку у тебя на столе или разводили костер из твоей мебели. Между тем наши «метеорологи» не ограничиваются только прогнозами. А настоятельно выдают убийственные для страны рецепты, ведь масса мигрантов создает огромные проблемы во всех странах, где такая миграция имела место, и эти проблемы будут только нарастать. Почему бы не попытаться упорядочить ситуацию на рынке труда за счет развития технологий, адекватного образования, справедливой оплаты, а потом уже звать «гостей». Нет, такие «метеорологи» нам не нужны!

Не будем останавливаться подробно на этой очень болезненной теме, но пример с миграцией показывает, что такая ситуация сложилась во многом из-за недемократичности российской политической системы. По-моему, в требованиях ограничить массовую инокультурную миграцию «фашизма» не больше, чем «экстремизма» в возмущениях по поводу фальсификаций на выборах.

Демократический *транзит* не может быть успешным без опоры на национальные и патриотические чувства. А без нормального национализма в стране не достигнуть нормальной же легитимации демократической власти, которая вне

своей национальной «почвы» повисает в воздухе. Становится «колониальной демократией» и неизбежно вырождается в авторитаризм.

Демократии нужна нормальная системная оппозиция, которая на очередных выборах имеет реальную возможность стать властью. В России этого как не было, так и нет. Популистски-опереточные КПРФ и ЛДПР, не говоря уже о других разрешенных «партиях», выступают в роли тромба на пути реализации национальных общественных настроений, мешают перевести общественный протест в рациональные политические решения, а, значит, в общем итоге укрепляют силы хаоса и бессмысленного разрушения. Не сумев завоевать политическое господство, русские националисты оказались в положении маргиналов, а олицетворением течения стали какие-то странноватые группировки с большой степенью неадекватности, к тому же наспигованные агентами тайной полиции и склонные как-то быстро поддаваться на провокации властей или попросту идти у них на поводу. Очень похоже, что традиции царской «охранки» и Азефа живут и побеждают. Возможно, таким образом стремятся дискредитировать националистов и патриотов в глазах общественного мнения. Но какую же грязную, опасную и разрушительную для России игру ведут те, кто ее затеял. Неужели трагический исторический опыт опять ничему не учит нашу страну? В свое время внедрение агентов-провокаторов в народнические, эсеровские, большевистские и прочие ре-

волюционные организации не уберегли страну ни от разгула террора, ни от революции. Так и на новом витке нашей драматической истории провокаторы, дискредитируя национализм, не остановят роста националистических настроений в российском обществе. Но вместо конструктивной оппозиции, которая заинтересована в улучшении положения России и русских, в экономической справедливости и политической стабилизации, на оперативный простор вырвутся радикальные группировки и фигуры с сильнейшим разрушительным потенциалом.

Невозможность нормального обсуждения и исправления загоняет существующие проблемы вглубь: есть общественное недовольство – есть эмоциональный выплеск. А меры по их решению либо запаздывают, либо не принимаются совсем. В итоге еще больше возрастает градус риторики, и мнутся разочарование и апатия.

Соединение национализма с демократией явилось бы залогом постепенного выздоровления русского национализма.

Многие сейчас задаются вопросом, почему в РФ сорвалось осуществление демократического транзита, хотя бы по примеру стран Восточной Европы. Да просто потому, что силы, называющие себя «либералами» и «демократами» слишком долго и слишком сильно глумились над русскими национальными чувствами. Последовала естественная реакция отторжения, массовая поддержка укрепления «вертикали власти» и т.п. Но вместе с грязной водой русофобии выплесну-

ли и «ребенка» – создание институтов, которые бы обеспечивали политическую конкуренцию и позволяли бы населению влиять на курс элит.

Если национализм может реализовываться и без демократии, что мы видим почти повсеместно на постсоветском пространстве, то демократия без опоры на национальное чувство и патриотизм прочно не укореняется нигде. Такого просто не может быть, потому что не может быть никогда. В России, если русские не чувствуют себя в ней хозяевами, невозможна никакая «либеральная демократия», никакие «гражданское общество», «реальный федерализм», «цивилизованный рынок» и так далее – что бы там ни утверждали *компрадорские* социологи-политологи, отрабатывая очередной западный грант.

Но нужно, наконец, понять, что демократия существует для себя, для собственного народа, а не для того, чтобы дожидаться похлопывания по плечу от американского госсекретаря или чтобы не прогневить Совет Европы. Она есть наиболее эффективный способ власти и управления в современном мире, и без эффективной экономики и эффективного демократического управления русским не на кого надеяться. Политическая нация – это основа, «субстрат» для демократического государства. В этом отношении крайне опасными и неверными кажутся «философские» рассуждения следующего характера: «Одна из основных примет антидемократизма – стремление индивида определить себя через при-

надлежность к некоей общности (нации, народу, церкви, расе и т.д. и т.п.), которой придается некая безусловная онтологическая значимость. Принадлежность к этой общности гарантирует тому, кто не способен совладать с ситуацией постоянной неопределенности, чувство онтологической безопасности и защищенности» (7, с. 12). В этом пассаже прослеживается, если угодно, философское обоснование антинациональных настроений. Про «онтологическую значимость» завернуто, конечно, красиво, но возникает вопрос, а КТО будет выступать в качестве носителя демократических норм и институтов – рисменовская «одинокая толпа» или зиновьевский «глобальный человек»? Кто носители демократических норм – современные глобальные кочевники? Или российские «хаоты» – эти-то уж привыкли жить в «ситуации постоянной неопределенности», только вот создать ничего не могут, а только разрушают ради своих непомерных appetitov. (Не говорю уже о том, что роль религии для демократии и демократизации может быть различной. Отрицать ее значимость просто глупо, о важности религиозного фактора для демократии писали Токвиль и Хантингтон.) Демократия – это выражение народного суверенитета, но для этого нация должна конституироваться и осознать свои интересы.

Примечательно, что даже в лагере «российских либералов» появляются политологи, которые могут подойти к рассмотрению ситуации адекватно. Так, Д. Фурман пишет:

«“Россия для русских” – это антитеза “русских для России”, государству, в котором русские платят и своей свободой, и своим благосостоянием, и своей кровью за то, что другие народы подчиняются, причем не русским как народу, а их правителям, имеющим русскую национальность. “Россия для русских” – это демократическая Россия, государство, являющееся инструментом для достижения общего блага народа» (15).

Конечно, в чистом виде лозунги «демократии», «суверенитета народа» часто похожи на красивую сказку. Но степень политического плюрализма и гражданских свобод, реальные возможности населения повлиять на власть на разном уровне сейчас намного ниже реально необходимого. Для того чтобы государство сделалось суверенным, нужно не только провозглашать суверенитет народа, но и обеспечить реальные механизмы его осуществления. Демократия – возможность обсуждать и решать вопросы своего жизнеустройства, механизм «защиты от дурака», такого, скажем, который придумал монетизацию или ЕГЭ, или кто кормит массы мифом о врожденной склонности русских к авторитаризму.

Вместо заключения. Национализм как условие выживания и развития

Элиты в РФ уже поняли необходимость для страны суверенитета. Теперь они должны дойти до осознания необхо-

димости либеральной демократии и нормального национализма. В конце концов, даже лозунг «суверенная демократия» не столь дик, если не выхолащивается понятие «демократии» и она опирается на осознанный национальный интерес большинства.

Ничего общего с дискриминацией других народов нормальный русский национализм не имеет. На этом пути можно и нужно решить проблему «многонациональности». Русские националисты должны согласиться и с нормальным национализмом других народов – для обеспечения свободного, цивилизованного диалога в целях решения общих проблем. Пугать распадом и дезинтеграцией не стоит. Если обеспечить нормальный, демократический фон, то порой допустима даже сецессия (по примеру того, как договорились о мирном, цивилизованном «разводе» чехи и словаки). Но что-то подсказывает, что в случае России таких примеров либо будет немного, либо не будет вообще. Если народам разных национальностей будут предоставлены демократические права, то они смогут договориться об улучшении совместной жизни в подавляющем большинстве случаев. В пользу такой версии говорит опыт нескольких столетий совместной жизни.

Такая трансформация является очень непростой и болезненной и сопряжена с массой трудностей. Но она дает шанс сделать Россию нормальной страной, освободившейся от имперского и постимперского синдрома. Попытки же возро-

дить «пятую» или уже десятую империю приведут лишь к растрате последних национальных сил. И сейчас эти имперские замашки вызывают одну за другой политические неудачи и служат отличным поводом для злорадства наших недругов. Удержание территории? Но удержание удержанию рознь. Если в ряде национальных республик львиная доля мест в структурах власти отдана представителям титульного этноса – это что? А удержание в составе России Чечни осуществлялось и осуществляется за счет выплаты огромной дани – поставляемой либо за счет посылаемых на верное разграбление поездов (в начале 90-х несколько сотен эшелонов было разграблено и занимались этим не отдельные боевики, а целые аулы!), либо за счет бесконечного ассигнования «восстановления» Чечни – попробуй не заплати – опять гордые горцы будут взрывать все подряд... Нужно ли такое удержание территории России, русским, другим народам РФ, лояльным к российской государственности?

Среди самих русских русская национальная буржуазия – это один из носителей идеологии национализма. Беда в том, что пока она еще не окрепла. Наивно думать, что «капитализм» – это только стремление к прибыли. Ее можно получать по-разному. Можно строить долговременные стратегии, чтобы делать бизнес в России многие десятилетия и даже века, но можно хватать и убегать – это идеология временщиков и паразитов. Тех, кто находится вне почвы, истории, судьбы – жадных кочевников и паразитов.

Но не хочется заканчивать на совсем уже пессимистической ноте. У нас должен появиться нормальный русский национализм. Идеология, так необходимая для выживания в мире, который, конечно, будет иным после обрушения здания нынешней спекулятивной глобализации по американскому образцу. Развитие русского национального сознания в этом мире будет более важным оружием, нежели авантюрные планы строительства авианосцев и т.п. Конечно, был бы предпочтителен национализм гражданский, «культурный», но даже почвенническая «кровная» версия в крайнем случае «сойдет», ибо без развитого национализма русские – «один из самых успешных народов» в истории – будут обречены на исчезновение. Рост русского национализма в России практически неизбежен. Мы не согласимся с вымиранием. Но – каким будет национализм? Нормальным или радикальным? Какова будет его культурная составляющая? Представляется, что «именем» России должен быть не Сталин, а Пушкин, Менделеев и Рахманинов.

Национализм – это нормально, это солидная и уважаемая идеология, а вовсе не прибежище для лузеров, «шариковых» и людей с психическими сдвигами. Очень важно, чтобы и русская молодежь поняла, что можно и нужно быть националистами, а это означает выяснение истины в публичных спорах участие в легальных мероприятиях, участие в демократических выборах. Вовсе не нужно, чтобы национализм ассоциировался с военизированными организациями,

ксенофобией, насилием – уходил, точнее, загонялся в подполье!

Если сделать русский национализм нормальным, то тогда он будет основой для демократической политики, принятия государственных решений в интересах большинства. Препятствий всякого рода на этом пути не счесть. Но у русских традиционно глаза боятся, а руки делают.

Литература

1. Белковский С. Закат России // Новая газета. – 2011, 18 марта.
2. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146–200.
3. Демографические исследования в России: История, состояние перспективы. Беседа с Анатолием Вишневским // Мыслящая Россия. – М., 2006. – С. 257–272.
4. Ковалёв В.А. Политические альтернативы в современной России. – Сыктывкар, 2010. – 204 с.
5. Ковалёв В. Русский национализм в кривом зеркале // Москва. – М., 2009. – № 11 – С. 167–174.
6. Ковалёв В. Общага «Россия» // Агентство политических новостей (АПН.ру), 2010. – 11 октября (<http://www.apn.ru/publications/article23236.htm>)
7. Куренной В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия. – М., 2006. – С. 5–26.

8. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М., 2005. – 320 с.

9. Малахов В. Современный русский национализм // Мыслящая Россия. – М., 2006. – С. 141–157.

10. Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. – М., 2008. – 448 с.

11. Семёнова Е. На этнической войне... Геноцид русских в бывших республиках СССР. – М., 2010. – 148 с.

12. Соколов-Митрич Д. Нечеченские мальчики. Нетаджикские девочки. – М., 2007. – 154 с.

13. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. – М., 2008. – 480 с.

14. Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. – М., 2009. – 440 с.

15. Фурман Д. От Российской империи к русскому демократическому государству // Неприкосновенный запас, 2010. – № 5. <http://magazines.russ.ru/nz/2010/5/fu3-pr.html>

РОССИЯ-2010 В ЗЕРКАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Ю.А. Нисневич

**Нисневич Юлий Анатольевич – доктор
политических наук, профессор Национального
исследовательского университета
Высшая школа экономики и РУДН**

Интенсивное развитие технологий сбора, обработки и передачи информации позволило межгосударственным и неправительственным организациям с 70-х годов XX в. начать проведение разнообразных экономических, политических и социологических исследований в масштабах всего мирового сообщества, используя базы данных и источники информации, расположенные в разных государствах на всех континентах, и международные и национальные коман-

ды экспертов¹².

Среди исследований межгосударственных и неправительственных организаций особое место занимают регулярно проводимые исследования, в которых единичным объектом анализа является государство с его типовыми характеристиками, общими для всех государств современного мира. Количественные результаты таких государствоведческих исследований, как правило, выражаются в значениях агрегированных индексов и составляющих их индикаторов, представляющих собой оценки тех или иных характеристик государства.

Совокупность количественных оценок характеристик государства позволяет, несмотря на неизбежное наличие тех или иных «шумов и погрешностей измерений», получить, как представляется, в достаточной мере достоверную картину состояния и образа государства.

Отображение состояния и образа России в зеркале результатов государствоведческих исследований, проведенных в 2010 г. межгосударственными и неправительственными организациями, и является задачей данной работы.

Наиболее полную базу статистических данных, включающую 420 индикаторов мирового развития (World Development Indicators, WDI) для 209 государств и терри-

¹² . Списки таких исследований представлены Информационным экспертно-аналитическим ресурсным центром «Новости гуманитарных технологий» на сайте <http://gtmarket.ru>. (<http://gtmarket.ru/ratings>) и (4).

торий за период с 1960 по 2009 г., предоставил *Всемирный банк*, акционерами которого являются 184 государства (21).

По данным этого источника, в 2009 г. население России составило 141,85 млн. человек, что совпадает с данными Росстата (6), при средней продолжительности жизни 68 лет; ВВП составлял 1231892,982 млн. долл. при уменьшении за этот год на 7,9 %, а ВВП на душу населения – 8684 долл.

Исходя из того, что главная задача современного демократического государства состоит в обеспечении высокого качества жизни его граждан, рассмотрение состояния и образа России-2010 целесообразно начать с оценки именно этой характеристики.

Исследования непосредственно качества жизни в различных государствах были начаты только в 2009 г. издательской группой «*International Living*». По результатам исследований этой неправительственной организации на основании показателей государства в девяти категориях (стоимость жизни, культура и досуг, экономика, окружающая среда, свобода, здоровье, инфраструктура, безопасность и риск, климат) определяется индекс качества жизни (quality of life index, QLI). Индекс качества жизни (ИКЖ_{IL}) оценивается по шкале от 0 (наихудшее качество жизни) до 100 (наилучшее качество жизни). В опубликованном в январе 2011 г. отчете приведены данные по этому индексу для 192 государств и территорий (19).

По этим данным, для России индекс качества жизни составил 54, и она заняла 115-е место из 192-х в одном ряду с Гайаной, Замбией, Кувейтом, Киргизстаном, Мальдивскими островами, Микронезией, Перу и Филиппинами. Для сравнения: первое место по качеству жизни с ИКЖ_{IL} = 86 заняли США, а последнее с ИКЖ_{IL} = 28 – Сомали.

Как косвенная оценка качества жизни используется определяемый с 1990 г. в рамках *Программы развития Организации Объединенных Наций* (ПРООН) индекс развития человеческого потенциала (human development index, HDI). Нормированный индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП_{UN}), который изменяется в диапазоне от 0 (низший уровень развития) до 1 (высший уровень развития), определяется по следующим статистическим данным: об ожидаемой продолжительности жизни, на основании которой определяется индекс продолжительности жизни (life expectancy index, LEI); об уровне грамотности среди взрослых и показателях обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях, составляющих индекс уровня образования (education index, EI); о величине валового внутреннего продукта на душу населения. Однако, как представляется, достаточно проблематично адекватно оценить реальный человеческий потенциал государства без учета качества образования, получаемого его гражданами. В 2010 г. индекс ИРЧП_{UN} был определен для 169 государств и территорий (2).

По этим данным, для России индекс развития человеческого потенциала составил 0,719, и она оказалась во второй группе – государства с высоким уровнем развития человеческого потенциала ($0,677 \leq \text{ИРЧП}_{\text{UN}} \leq 0,784$) – на 65-м месте из 169 вместе с Албанией. Для сравнения: первое место по развитию человеческого потенциала с $\text{ИРЧП}_{\text{UN}} = 0,938$ заняла Норвегия, которая входит в первую группу – государства с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала. Последнее место с $\text{ИРЧП}_{\text{UN}} = 0,14$ заняла Зимбабве, которая входит в четвертую группу – государства с низким уровнем развития человеческого потенциала.

К косвенным оценкам качества жизни может быть отнесен определяемый с 2007 г. исследовательским институтом международной инвестиционной группы *Legatum* (The Legatum Institute) индекс благосостояния (Legatum prosperity index, LPI). Агрегированный индекс благосостояния (ИБ_{LI}) определяется по 89 параметрам и включает восемь индикаторов, характеризующих, по мнению авторов этого исследования, «фундаментальные аспекты благосостояния»: экономику, предпринимательство, государственное управление, образование, здоровье, безопасность, личную свободу и социальный капитал. В 2010 г. этот индекс был определен для 110 государств и территорий (23).

По этим данным, для России индекс благосостояния составил (-0,521), и она заняла 63-е место из 110 между

Марокко и Филиппины. Для сравнения: первое место по индексу благосостояния с $ИБ_{LI} = 3,375$ заняла Норвегия, а последнее с $ИБ_{LI} = -4,068$ – Зимбабве.

Фактором, оказывающим определяющее влияние на качество жизни граждан, является качество управления государством.

Наиболее представительные и авторитетные исследования качества государственного управления (governance matters) для различных государств и территорий проводит *Всемирный банк*. По результатам этих исследований определяются шесть агрегированных индексов (worldwide governance indicators, WGI), которые отражают различные параметры государственного управления:

1. Учет мнения населения и подотчетность (voice and accountability) – индекс включает показатели, измеряющие различные аспекты политических прав и гражданских свобод, степень возможного участия граждан в выборах органов государственной власти, степень свободы выражения мнения, свободы объединений, свободы прессы.

2. Политическая стабильность и отсутствие насилия (political stability and absence of violence) – индекс включает показатели, измеряющие стабильность государственной власти, вероятность ее дестабилизации или свержения неконституционными методами или с применением насилия, включая политически мотивированное насилие и терроризм.

3. Эффективность государственного управления (government effective-ness) – индекс включает показатели, измеряющие качество и эффективность функционирования системы государственного управления, оказания государственных услуг, работы государственной службы и степень ее независимости от политического давления, разработки и реализации государственной политики и уровень доверия к политике государства.

4. Качество законодательства (regulatory quality) – индекс включает показатели, измеряющие способность государства формулировать и реализовывать рациональную политику и принимать законодательные акты, допускающие и способствующие развитию частного сектора.

5. Верховенство закона (rule of law) – индекс включает показатели, измеряющие степень уверенности разных субъектов в установленных законодательством общественных нормах и соблюдения ими этих норм, в частности степень принудительного исполнения договорных обязательств и соблюдения права частной собственности, качество работы полиции и судов, противодействия преступлениям и жесткости.

6. Контроль (сдерживание) коррупции (control of corruption) – индекс включает показатели воздействия на публичную власть незаконных частных выплат государственным должностным лицам, масштаб коррупции как на низовых, так и на верхушечном уровнях, включая скупку государственного имущества в частных интересах (т. е. сте-

пень подчинения публичной власти частным интересам).

Эти индексы оцениваются по шкале от -2,5 (наихудшее состояние) до +2,5 (наилучшее состояние). В 2010 г. были опубликованы данные по всем агрегированным показателям качества государственного управления для 213 государств и территорий за период 1996–2009 гг. (25).

По этим данным, для России в 2009 г. значения перечисленных индексов и соответствующие им места в рейтинге составили:

– индекс учета мнения населения и подотчетности (-0,948) и 165-е место между Катаром и Киргизстаном;

– индекс политической стабильности и отсутствия насилия (-0,725) и 16-е место между Мексикой и Гватемалой;

– индекс эффективности государственного управления (-0,282) и 117-е место между Вануату и Египтом;

– индекс качества законодательства (-0,461) и 137-е место между Замбией и Мадагаскаром;

– индекс верховенства закона (-0,773) и 163-е место между Фиджи и Эфиопией;

– индекс сдерживания коррупции (-1,122) и 187-е место между Кенией и Гаити.

Данные о неудовлетворительном положении дел с коррупцией в России были получены Всемирным банком независимо от наиболее представительных и авторитетных исследований состояния коррупции в различных государствах, кото-

рые ежегодно проводит международная неправительственная организация «Трансперенси Интернешнл» (*Transparency International*). С 1995 г. эта организация определяет такой показатель состояния коррупции, как индекс восприятия коррупции (*corruption perceptions index, CPI*). Индекс восприятия коррупции (ИВК_{TI}) отражает восприятие уровня коррупции аналитиками и предпринимателями как проживающими в стране, так и зарубежными, и оценивается по шкале от 0 (очень высокий уровень коррупции) до 10 (коррупция практически отсутствует). По результатам исследований, проводившихся с сентября 2009 по сентябрь 2010 г., этот индекс был определен для 178 государств и территорий (10).

По этим данным, для России индекс восприятия коррупции составил 2,1, и она заняла 154-е место из 178 в одном ряду с Камбоджей, Центральноафриканской Республикой, Коморскими островами, Республикой Конго, Гвинеей-Биссау, Кенией, Лаосом, Папуа – Новой Гвинеей и Таджикистаном. Для сравнения: самый низкий уровень коррупции при ИВК_{TI} = 9,3 имеет место в Дании, Новой Зеландии и Сингапуре, а самый высокий при ИВК_{TI} = 1,4 – в Сомали.

В современном демократическом государстве главным приводным механизмом политических, экономических, социальных и информационных процессов служит добросовестная, транспарентная и профессиональная конкуренция

в правовом поле. Наличие в государстве экономической, политической, информационной свободы и порождаемой ею конкуренции является необходимым условием для подавления коррупции (5).

Оценочной характеристикой состояния экономической свободы в государстве и порождаемой ею конкуренции может служить индекс экономической свободы (index of economic freedom). Такой индекс определяют независимо друг от друга американский неправительственный исследовательский фонд «Наследие» (The Heritage Foundation) совместно с газетой «*The Wall Street Journal*» и совместно две неправительственные исследовательские организации – канадский *Институт Фрейзера* (The Fraser Institute) и американский *Институт Катона* (The Cato Institute).

Индекс экономической свободы фонда «Наследие» (ИЭС_{НФ}) определяется как совокупность показателей в десяти категориях: свобода предпринимательства; свобода торговли; налоговый режим; доля государства в экономике; свобода денежного обращения; инвестиционный климат; финансовое регулирование; защита прав собственности; свобода от коррупции; трудовые отношения. Этот индекс оценивается по шкале от 0 (свобода практически отсутствует) до 100 (максимальная свобода). По результатам исследований, проводившихся с июля 2009 по июль 2010 г., индекс был определен для 179 государств и территорий (8).

По этим данным, для России индекс экономической

свободы составил 50,5, и она заняла 143-е место из 179 вместе с Эфиопией. Для сравнения: первое место с $ИЭС_{HF} = 89,7$ занял Гонконг, а последнее с $ИЭС_{HF} = 1$ – Корейская Народно-Демократическая Республика.

Индекс экономической свободы институтов Фрейзера и Катона ($ИЭС_{FC}$) определяется как совокупность показателей в пяти категориях: доля государства в экономике; законодательная база и защита прав собственности; доступ к «надежным» деньгам; свобода внешней торговли; регулирование кредита, трудовых отношений и деятельности предприятий. Этот индекс оценивается по шкале от 0 (свобода практически отсутствует) до 10 (максимальная свобода). В опубликованном в 2010 г. отчете приведены данные по $ИЭС_{FC}$ за 2008 г. для 141 государства и территории (13).

По этим данным, для России индекс экономической свободы составил 6,62, и она заняла 84-е место из 141 между Южной Африкой и Румынией. Для сравнения: первое место с $ИЭС_{FC} = 9,05$ занял Гонконг, а последнее с $ИЭС_{FC} = 3,57$ – Зимбабве.

Для косвенной оценки экономической свободы и конкуренции в государстве могут служить результаты проводимых с 2003 г. Всемирным банком исследований «Условия для бизнеса (Doing Business)». По результатам этого исследования, государства ранжируются в зависимости от того, насколько существующие в них условия благоприятствуют бизнесу. Это определяется агрегированием количественных

данных по девяти показателям: открытие бизнеса; получение разрешения на строительство; регистрация прав собственности; получение кредита; защита инвестиций; уплата налогов; экспортная торговля; заключение контрактов; закрытие бизнеса. По результатам исследований, проведенных с июня 2009 по май 2010 г., в зависимости от условий для бизнеса были ранжированы 183 государства и территории (12).

По этим данным, Россия в рейтинге по благоприятным условиям для бизнеса заняла 123-е место из 183 между Угандой и Уругваем. В этом рейтинге первое место занял Сингапур, а последнее – Чад.

В качестве оценочных характеристик состояния политической и гражданской свободы и порождаемой ими конкуренции могут служить индексы политических прав (political rights, PR) и гражданских свобод (civil liberties, CL), определяемые с 1972 г. американской неправительственной организацией «Freedom House» в рамках программы «Свобода в мире (Freedom in the World)». Индекс политических прав (ИПП_{ФН}) и индекс гражданских свобод (ИГС_{ФН}) определяются по экспертной методике и оцениваются по шкале от 1 (максимальная свобода) до 7 (минимальная свобода). Кроме того, по среднеарифметическому значению этих индексов все государства и территории разделяются на три группы: свободные (от 1 до 2,5), частично свободные (от 3 до 5) и несвободные (от 5,5 до 7). По результатам исследований,

проводившихся с 1 января по 31 декабря 2010 г., были определены значения индексов ИПП_{РН} и ИГС_{РН} для 208 государств и территорий (15).

По этим данным, для России индекс политических прав составил 6, а гражданских свобод – 5, и она была включена в группу 47 несвободных государств.

Для оценки состояния свободы и порождаемой ею конкуренции в информационной сфере может служить индекс свободы прессы, который независимо друг от друга определяют «Freedom House», в рамках реализуемой с 1980 г. программы «Свобода прессы (Freedom of the Press)», и международная неправительственная организация «Репортеры без границ» (фр.: Reporters sans frontières).

Индекс свободы прессы (ИСП_{РН}) «Freedom House» составляет на основе ответов экспертов на 23 вопроса, разделенных на три категории – правовую, политическую и экономическую, и оценивает по шкале от 0 (максимальная свобода) до 100 (минимальная свобода). По результатам исследований, проводившихся с 1 января до 31 декабря 2009 г., этот индекс был определен для 196 государств и территорий (16).

По этим данным, для России индекс свободы прессы составил 81, и она заняла 174-е место из 196 в одном ряду с Гамбией и Демократической Республикой Конго. Для сравнения: первое место с ИСП_{РН} = 10 заняли Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция, а последнее с ИСП_{РН} = 99 – Корейская Народно-Демократическая Республика.

Индекс свободы прессы (ИСП_{RF}), определяемый организацией «Репортеры без границ», составляется на основе ответов экспертов на 43 вопроса и оценивается по шкале от 0 (максимальная свобода) до 120 (минимальная свобода). По результатам исследований, проводившихся с 1 сентября 2009 по 1 сентября 2010 г., этот индекс был определен для 178 государств и территорий (7).

По этим данным, для России индекс свободы прессы составил 49,9, и она заняла 140-е место из 178 между Эфиопией и Малайзией. Для сравнения: первое место с ИСП_{RF} = 0 заняли Исландия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швейцария и Швеция, а последнее с ИСП_{RF} = 105 – Эритрея.

Кроме рассмотренных политико-правовых характеристик государства «Freedom House» в рамках программы «Свобода в мире» по специальной методике в соответствии с пороговым принципом «да – нет» определяет и принадлежность политического порядка в данном государстве к типу «электоральная демократия». Электоральная демократия, по определению «Freedom House», характеризуется наличием конкурентной многопартийной системы и всеобщего избирательного права, регулярным проведением свободных и честных выборов при тайном голосовании, открытостью избирательной кампании и доступностью для всех партий средств массовой информации (15, с. 26).

По данным «Freedom House», в 2010 г. к электораль-

ным демократиям относятся 115 (59 %) из 194 существующих сегодня в мире государств, включая Тайвань и Косово, но Россия электоральной демократией не является.

Пороговый принцип соотнесения политических и государственных порядков в конкретном государстве с демократией представляется наиболее адекватным смыслу и содержанию этой формы организации политических и государственных порядков, а неполная или частичная демократия как демократия «второй свежести»¹³ представляется логическим нонсенсом.

Тем не менее в ряде государствоведческих исследований демократия рассматривается как континуум, и ее состояние измеряется с использованием той или иной шкалы оценок.

Такие измерения с 1995 г. проводит «*Freedom House*» по программе «Страны переходного периода (Nations in Transit)», в рамках которой для 29 государств постсоветского пространства и Центральной Европы определяется индекс демократии (the democracy score, DC). Индекс демократии Freedom House (ИДФН) определяется по экспертной методике агрегированием семи показателей, характеризующих: избирательный процесс (electoral process, EP); развитие гражданского общества (civil society, CS); независимость

¹³. «Вторая свежесть – вот что вздор! Свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!» (1, с. 167).

СМИ (independent media, IM); демократичность национального правительства (national democratic governance, NGOV); демократичность региональных властей (local democratic governance, LGOV); структуру и независимость судебной системы (judicial framework and independence, JFI); уровень коррупции (corruption, CO). Этот индекс оценивается по шкале от 1 (высший уровень демократического прогресса) до 7 (низший уровень демократического прогресса). В июне 2010 г. был опубликован отчет, в котором приведены результаты исследований индекса демократии и составляющих его параметров, проводившихся с 1 января по 31 декабря 2008 г. (20). Кроме того, в этом отчете предложено по результатам проведенных исследований разделить исследуемые государства на пять групп: консолидированная демократия; частично консолидированная демократия; переходный или гибридный режим; частично консолидированный авторитарный режим; консолидированный авторитарный режим.

По этим данным, для России индекс демократии составил 6,14, она заняла 22 -е место из 29 вместе с Таджикистаном и вошла в группу из восьми государств с консолидированным авторитарным режимом.

Для сравнения: первое место по уровню демократического прогресса с ИД_{FN} = 1,93 заняла Словения, а последнее с ИД_{FN} = 6,93 – Туркменистан и Узбекистан.

Конечно, можно считать, что исследование «Freedom House» по программе «Страны переходного периода» не яв-

ляется достаточно представительным, поскольку охватывает всего 29 стран и не превосходит 15 % от всех существующих сегодня в мире государств.

Более представительное исследование индекса демократии (democracy index, DI), начиная с 2006 г., раз в два года проводит аналитическое подразделение британского журнала «*Economist*» – *The Economist Intelligence Unit*. Индекс демократии (ИД_{EIU}) определяется этим подразделением по методике, основанной на экспертных оценках и результатах опросов общественного мнения, агрегированием 60 показателей, объединенных в пять, по мнению авторов исследования, ключевых для демократии индикаторов: избирательный процесс и плюрализм (electoral process and pluralism); деятельность правительства (functioning of government); политическое участие (political participation); политическая культура (political culture); гражданские свободы (civil liberties). Этот индекс оценивается по шкале от 0 (полностью авторитарный режим) до 10 (полная демократия), и по его значениям государства разделяются на четыре группы: полная демократия (от 10 до 8); дефектная демократия (от 7,99 до 6); гибридный режим (от 5,99 до 4); авторитарный режим (от 3,99 до 0). В декабре 2010 г. был опубликован отчет, в котором приведены данные по индексу ИД_{EIU} и составляющим его индикаторам для 167 государств и территорий (11).

По этим данным, для России индекс демократии составил 4,26, она заняла 107-е место из 167 между Кур-

гизстаном и Непалом и вошла в группу из 32 государств с гибридным режимом. Для сравнения: первое место с ИД_{ЕІU} = 9,8 заняла Норвегия, а последнее с ИД_{ЕІU} = 1,08 – Корейская Народно-Демократическая Республика.

К государствоведческим исследованиям демократии как континуума относится и проводимое с 2003 г. немецкой неправительственной организацией *Фонд Бертельсмана (Bertelsmann Stiftung)* исследование, в рамках которого для 128 государств, за исключением группы развитых государств Европы и Северной Америки, определяется индекс трансформации (Bertelsmann transformation index) (3). Однако это исследование представляется недостаточно достоверным и не только потому, что из него исключены развитые государства Европы и Северной Америки. Более существенным обстоятельством служит тот факт, что «как правило, каждую страну оценивают внутренний и международный специалисты» (3, с. 113), т.е. для оценки параметров каждого государства используются только два источника информации. В большинстве государствоведческих исследований принято считать достоверными только те агрегированные результаты, для определения которых используется не менее трех источников информации.

Ряд исследований межгосударственных и неправительственных организаций посвящен оценкам инновационного развития государства в контексте перехода к информационному обществу и электронному государству.

К этой группе исследований относится реализуемая ООН с 2003 г. программа «Исследование электронного государства (E-Government Survey)», в рамках которой определяется индекс развития электронного государства (e-government development index, EGDI) и индекс электронного участия (e-participation index, EPI). Индекс развития электронного государства (ИРЭГ_{UN}) определяется как среднеарифметическое значение трех нормированных индексов – онлайн-ового сервиса (online service index), телекоммуникационной инфраструктуры (telecommunication infrastructure index) и человеческого капитала (human capital index) и оценивается по шкале от 0 (наименьший уровень развития) до 1 (наивысший уровень развития). Индекс электронного участия (ИЭУ_{UN}) определяется методом экспертных оценок использования Интернета в процессе взаимодействия граждан и бизнеса с органами государственной власти. Оценки выносятся по таким показателям, как электронное предоставление информации, электронное консультирование и электронное принятие решений по шкале от 0 (минимальное использование Интернета) до 1 (максимальное использование). В опубликованном в 2010 г. отчете приведены данные по индексу ИРЭГ_{UN} для 183 государств и территорий и по индексу ИЭУ_{UN} для 157 государств и территорий (26).

По этим данным, для России индекс развития электронного государства составил 0,5136, и она заняла 59-е место из 183 между Саудовской Аравией и Черногорией, а

индекс электронного участия составил 0,1286, и она заняла 86-е место из 157 в одном ряду с Албанией, Гондурасом, Индонезией, Катаром, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Лихтенштейном, Марокко, Тринидадом и Тобаго, Чехией. Для сравнения: первое место с $ИРЭГ_{UN} = 0,8785$ и $ИЭУ_{UN} = 1$ заняла Южная Корея, а последние места с $ИРЭГ_{UN} = 0,1098$ – Нигер и с $ИЭУ_{UN} = 0,0143$ – Вануату.

Более технологически ориентированную оценку электронного развития государства предоставляет в виде определяемого с 2001 г. индекса сетевой готовности (networked readiness index, NRI) швейцарская неправительственная организация *Всемирный экономический форум (World Economic Forum)*. Индекс сетевой готовности ($ИСГ_{WEF}$) определяется агрегированием 68 показателей, которые объединены в 12 базовых индикаторов, разделенных на три группы: группа условий для развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) – рыночные, политические, инфраструктурные условия; группа готовности к использованию ИКТ – готовность граждан, бизнеса и государственных органов; группа уровней использования ИКТ – уровни граждан, бизнеса и государственных органов. Этот индекс оценивается по шкале от 1 (минимальная готовность) до 7 (максимальная готовность). В опубликованном в 2010 г. отчете приведены данные по индексу $ИСГ_{WEF}$ для 133 государств и территорий (17).

По этим данным, для России индекс сетевой готовности составил 3,58, и она заняла 80-е место из 133 между Тринидадом и Тобаго и Сальвадором. Для сравнения: первое место по сетевой готовности с ИСГ_{WEF} = 5,65 заняла Швеция, а последнее с ИСГ_{WEF} = 2,57 – Чад.

Значительную группу государствоведческих исследований составляют исследования, в которых оцениваются характеристики государств как базового звена устройства миропорядка и субъекта международных отношений.

Поскольку доминантой современного миропорядка выступает процесс глобализации, то первоочередной интерес представляет оценка включенности государства в этот процесс. В качестве такой оценки может быть использован индекс глобализации (KOF index of globalization), регулярно с 2002 г. определяемый швейцарским институтом экономики (KOF Swiss Economic Institute). В этом исследовании глобализация понимается как процесс интеграции поверх государственных границ национальных экономик, культур, технологий и управления, а также развития комплексных взаимосвязей и взаимозависимостей. Индекс глобализации КОФ (ИГ_{КОФ}) определяется агрегированием трех измерений глобализации: экономического, политического и социального и оценивается по шкале от 0 (минимальная включенность в процесс глобализации) до 100 (максимальная включенность в процесс глобализации). В марте 2011 г. были опубликованы результаты определения этого индекса для 156 госу-

дарств и территорий на основе данных 2008 г. (9).

По этим данным, для России индекс глобализации составил 65,91, и она заняла 52 -е место из 156 между Сальвадором и Украиной. Для сравнения: первое место по включенности в процесс глобализации с $ИГ_{КОФ} = 92,6$ заняла Бельгия, а последнее с $ИГ_{КОФ} = 39,85$ – Чад.

Наиболее представительные и авторитетные исследования глобальной экономической конкурентоспособности современных государств ежегодно с 1979 г. проводит *Всемирный экономический форум*. В рамках этих исследований определяется индекс глобальной конкурентоспособности (global competitiveness index, GCI), который оценивается по шкале от 1 (минимальная конкурентоспособность) до 7 (максимальная конкурентоспособность). Агрегированный индекс глобальной конкурентоспособности ($ИГК_{WEF}$) определяется по 111 параметрам, объединенным в 12 базовых индикаторов экономической конкурентоспособности. В опубликованном в сентябре 2010 г. отчете приведены данные по этому индексу для 139 государств и территорий (24).

По этим данным, для России индекс глобальной конкурентоспособности составил 4,2, и она заняла 63-е место из 139 между Шри-Ланкой и Уругваем. Для сравнения: первое место по глобальной экономической конкурентоспособности с $ИГК_{WEF} = 5,63$ заняла Швейцария, а последнее с $ИГК_{WEF} = 2,73$ – Чад.

При этом следует также отметить, что по такому опорно-

му индикатору как качество институтов Россия заняла 118-е место, а по таким составляющим этот индикатор параметрам как защита прав собственности, уровень вмешательства государства и надежность защиты полицией – 128-е место, защита интеллектуальной собственности – 119-е место, независимость судебной системы – 115-е место. И на первое место среди 15 наиболее проблемных для России факторов 21,2 % участвовавших в исследовании респондентов поставили коррупцию.

В рамках реализуемого с 2007 г. проекта «Перспективы человечества (Vision of Humanity)», поставившего целью выявление взаимосвязи мира и устойчивого развития на планете, австралийский *Институт экономики и мира (The Institute for Economics and Peace)* Сиднейского университета совместно с аналитиками журнала «Экономист» определяет глобальный индекс миролюбия (global peace index, GPI). Глобальный индекс миролюбия (ГИМ_{IEP}) определяется агрегированием 23 показателей, объединенных в три основные группы: наличие и масштабы внутренних и международных конфликтов, в которых участвует государство; уровень стабильности и безопасности внутри государства; уровень милитаризации государства. Оценка выносится по шкале от 1 (максимальное миролюбие) до 5 (минимальное миролюбие). В июне 2010 г. были опубликованы результаты определения этого индекса для 149 государств и территорий (18).

По этим данным, для России индекс миролюбия со-

ставил 3,013, и она заняла 143-е место из 149 между Грузией и Израилем. Для сравнения: первое место по миролюбию с $\text{ГИМ}_{\text{IEP}} = 1,188$ заняла Новая Зеландия, а последнее с $\text{ГИМ}_{\text{IEP}} = 3,406$ – Ирак.

С 2005 г. американская неправительственная организация «Фонд Мира» (*The Fund for Peace*) и американский журнал «*Foreign Policy*» ежегодно проводят исследования по определению индекса недееспособности государств (*failed states index, FSI*), который характеризует степень способности власти контролировать целостность территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в государстве. Индекс недееспособности государств (ИНГ_{FP}) определяется суммированием значений 12 показателей недееспособности, оцениваемых по шкале от 0 (наименьшая степень недееспособности) до 10 (наибольшая степень недееспособности) и объединенных в три группы: социальные, экономические и политические показатели. По значениям индекса ИНГ_{FP} , изменяющегося в диапазоне от 0 до 120, исследуемые государства разделяются на четыре группы: с высоким уровнем нестабильности (от 120 до 90); с уровнем стабильности ниже среднего (от 89,9 до 60); с уровнем стабильности выше среднего (от 59,9 до 30); с высоким уровнем стабильности (менее 30). В июне 2010 г. были опубликованы результаты определения этого индекса для 177 государств и территорий (14).

По этим данным, для России индекс недееспособности

государств составил 79, она заняла 80-е место из 177 между Индией и Таиландом и вошла в группу из 92 государств с уровнем стабильности ниже среднего. Для сравнения: первое место по недееспособности с $ИНГ_{FR} = 114,3$ заняло Сомали, а последнее с $ИНГ_{FR} = 18,7$ – Норвегия.

С 1995 г. американская неправительственная организация *Центр системного мира (Center for Systemic Peace)* проводит исследования по определению индекса и матрицы хрупкости государства (state fragility index and matrix). Индекс хрупкости государства ($ИХГ_{CSP}$) определяется агрегированием восьми показателей, отражающих эффективность и законность в четырех измерениях: безопасность, политика, экономика, социальная сфера и оценивается по шкале от 0 (минимальная хрупкость) до 25 (максимальная хрупкость). В 2010 г. были опубликованы результаты завершившихся в конце 2009 г. исследований по определению этого индекса для 163 суверенных государств (22).

По этим данным, для России индекс хрупкости государства составил 8, и она заняла 89-е место из 163 между Парагваем и Арменией. Для сравнения: первое место по хрупкости государства с $ИХГ_{CSP} = 25$ заняло Сомали, а последнее с $ИХГ_{CSP} = 0$ сразу 19 государств, среди которых 14 европейских государств, а также Канада, Коста-Рика, Тайвань, Южная Корея и Япония.

Заключение

Представленные в 2010 г. по результатам государственно-ведческих исследований 18 межгосударственных и неправительственных организаций оценки 28 различных характеристик и параметров современного состояния России и складывающийся из них образ нашей страны не соответствуют характеристикам и образу государства, претендующего на достойное место среди ведущих держав мирового сообщества. Такая ситуация, как представляется, определяется в первую очередь низким качеством и низкой эффективностью государственного управления и высоким уровнем коррупции.

Литература

1. Булгаков М.А. Избранное: роман «Мастер и Маргарита»; Рассказы. – М.: Худож. лит., 1980.
2. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: Путь к развитию человека. – М.: Весь Мир, 2010.
3. Индекс трансформации Фонда Бертельсмана 2010. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2010.
4. Нисневич Ю. Метод сопоставительно-институциональ-

ного анализа // Мирская экономика и международные отношения. – М., 2011. – № 5. – С. 76–84.

5. Нисневич Ю.А. Роль конкуренции в обеспечении социально-политической стабильности и подавлении коррупции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – М., 2009. – № 3. – С. 3–17.

6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.htm).

7. 2010 World Press Freedom Index. Reporters sans frontiers, 2010 (http://www.rsf.org/IMG/CLASSEMENT_2011/GB/C_GENERAL_GB.pdf).

8. 2011 Index of Economic Freedom. The Heritage Foundation, 2011 (<http://www.heritage.org/index/>).

9. 2011 KOF Index of Globalization. KOF Swiss Economic Institute, 2011 (<http://globalization.kof.ethz.ch/>).

10. Corruption Perceptions Index 2010 Results. Transparency International, 2010 (http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results).

11. Democracy Index 2010. Economist Intelligence Unit, 2010 (http://graphics.eiu.com/PDF/Democracy_Index_2010_web.pdf).

12. Doing business 2010: Making a difference for entrepreneurs. The World Bank, 2010 (<http://www.doingbusiness.org/reports/doing-business/doing-business-2011>).

13. Economic Freedom of the World: 2010 Annual Report. The Fraser Institute, 2010 (http://www.freetheworld.com/2010/reports/world/EFW2010_BOOK.pdf).

14. Failed State Index 2010. The Fund for Peace, 2010 (http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=452&Itemid=900).

15. Freedom in the world 2011: The authoritarian challenge to democracy. Freedom House, 2011 (http://www.freedomhouse.org/images/File/fiw/FIW%202011%20Booklet_1_11_11.pdf).

16. Freedom of the press 2010: Broad setbacks to global media freedom. Freedom House, 2010 (<http://www.freedomhouse.org/uploads/pfs/371.pdf>).

17. Global Information Technology Report 2009–2010: ICT for Sustainability. World Economic Forum, 2010 (http://www3.weforum.org/docs/WEF_GITR_Report_2010.pdf).

18. Global Peace Index Results Reports. Vision of Humanity (<http://www.visionofhumanity.org/info-center/results-reports/gpi-results-and-reports/>).

19. International Living's 2011 quality of life index reveals best climate in the World / International Living, 2011 (<http://www1.internationalliving.com/qofl2011/>).

20. Nations in Transit 2010. Freedom House, 2010 (<http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=551>).

21. Open Data. The World Bank (<http://data.worldbank.org/indicator>).

22. State Fragility Index and Matrix 2009. Centre for Systemic Peace, 2010 (<http://www.systemicpeace.org/SFImatrix2009c.pdf>).

23. The 2010 Legatum Prosperity Index Report. The Legatum Institute, 2010 (<http://www.prosperity.com/downloads/2010ProsperityIndexFullReport.pdf>).

24. The Global Competitiveness Report 2010–2011. World Economic Forum, 2010 (http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf).

25. The Worldwide Governance Indicator (WGI) project. World Bank (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp>).

26. United Nations e-government survey 2010: Leveraging e-government at time of financial and economic crisis, 2010 (http://www2.unpan.org/egovkb/global_reports/10report.htm).

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЭЛИТА: КАЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ «ПРЕЗИДЕНТСКОГО РЕЗЕРВА»¹⁴

А.В. Шентякова

**Шентякова Анна Владимировна –
сотрудница факультета политологии Санкт-
Петербургского государственного университета**

В 90-е годы происходили изменения во всех сферах общества. Одни считают, что в ходе реформ 1990-х годов произошла смена элит, а бывшая номенклатура сошла с политической арены, уступив свои позиции представителям новой элиты (2; 3). Другие придерживаются мнения, что никакой смены элит вообще не было, а прежняя номенклатура *de facto* осталась у власти (7). Существует и точка зрения, согласно которой элиты как один из институтов подверглись существенной трансформации (6, с. 35). Однако трансформация не означает обязательно смену элит.

¹⁴ *Статья перепечатывается из сборника «Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ» (СПб., 2010. – С. 49–56).*

Смена элит предполагает качественные изменения в структуре и характеристике элит, а трансформация может ограничиваться изменением соотношения сил различных элитных групп внутри властвующей элиты. Исследования элитологов показывают, что по своим социально-демографическим характеристикам современный правящий слой заметно отличается от руководящей советской номенклатуры. Отечественные исследователи высказывают мнение, что в России произошла не просто трансформация элиты, а «элитная революция» и, как следствие, «кадровая революция» (1, с. 16). Под термином «кадровая революция» в научной литературе понимается «более или менее значительная замена кадров в какой-либо сфере» (10, с. 23). Последнее время термин «кадровая революция» определяется как более или менее значительная замена кадров. Особенность этого процесса заключается в кратковременном изменении состава властной элиты. При этом качественного изменения социально-демографических составляющих элиты не происходит. По мнению отечественных исследователей (10, с. 30), кадровая революция как социальная технология и как инструмент изменения состава властной элиты возможна «при этатистской социальной системе или при авторитарном режиме». При демократическом режиме кадровая революция как технология может быть применена лишь в отношении административного аппарата. Но при любом типе общества основанием для проведения кадровой революции

является «институциональное рассогласование формальных и неформальных практик. Это рассогласование не удастся разрешить традиционными формальными средствами, которые оказываются бессильными перед такими неформальными практиками» (там же). При анализе современной российской властной элиты вопрос о необходимости проведения подобной кадровой революции остается открытым, но появление списка «кадрового резерва» позволяет рассматривать такой шаг президента как подготовительный этап для кадровой революции.

Центральное место в исследованиях элит отводится каналам и механизмам рекрутирования. Это связано с изучением типов политических карьер, процессов воспроизводства и трансформации элиты. Необходимо учитывать и тип рекрутирования. Например, отечественный исследователь Г.К. Ашин выделяет два типа рекрутирования – открытый и закрытый: «Открытый тип обычно основывается на отборе, имеющем вид честного конкурса, при котором решающими являются личные качества человека, его способности, образованность, нравственные характеристики, а не анкетные данные, не его (или его родителей) социальное положение, принадлежность к определенной социальной группе... если превалирует принцип выдвижения на элитные должности не самого умного, способного, честного, но зато “своего” человека... – это означает закрытый тип селекции» (2, с. 86). По мнению большинства специалистов, для элиты последних

пяти лет становится характерным более закрытый тип рекрутирования. Очевидно, что качество элиты во многом зависит от принципов ее рекрутирования. Исследование рекрутирования политической элиты, посредством которого формируются законодательные и исполнительные органы государства, правительственный аппарат, руководящие кадры государственных учреждений, предполагает изучение процесса вовлечения людей в политику, выдвижения их на руководящие политические посты, выстраивания политических контактов, анализ карьерных лестниц. В западных государствах рекрутирование элиты институализировано, осуществляется в соответствии с тщательно разработанными процедурами, в результате чего персональный состав элиты с большей или меньшей периодичностью обновляется, а сама элитная структура остается в значительной мере неизменной. Иначе обстоит дело в условиях ломки всей политической системы, в периоды политической нестабильности. Тогда происходит трансформация или смена элит: люди, занимавшие ключевые позиции в государственном управлении, лишаются своих постов, возникает много вакансий, которые заполняются с нарушением обычных рутинных правил. Одни из важнейших моментов рекрутирования элиты – широта ее социальной базы, круг лиц, осуществляющий отбор элиты (селекторат), и процедура этого отбора.

Вопросы рекрутирования современной российской элиты продолжают вызывать дискуссии среди специалистов. Изме-

нения в практиках выдвижения на высокие позиции и появление новых каналов рекрутирования связывают с успешностью проводимых реформ. Вхождение определенной доли «новичков» повышает «репродукцию и легитимность правящей группы» (13, с. 421). При анализе современной властной элиты России многие отечественные исследователи указывают на то, что этап «первичной стабилизации» закончился. Элита от открытого состояния постепенно переходит к состоянию закрытости (14, с. 103). Каналы рекрутирования стабилизировались, бассейн рекрутирования уменьшается. Тем не менее в 2008 г. президент Д. Медведев объявил о формировании «кадрового резерва», который позволит провести «всестороннюю модернизацию... основанную на ценностях и институтах демократии» (15). В кадровый резерв, по словам президента Д. Медведева, попали лучшие управленцы страны. «Управленческие способности – вот основной критерий, на который ориентировались эксперты, подбирая кандидатов для президентского резерва». Оценивали кандидатов и по таким параметрам, как образование, успешность, стратегическое мышление, профессионализм, общественное признание.

Такое решение предполагает, что нынешняя управленческая элита со своей задачей справляется плохо, а результат не удовлетворяет президента и его администрацию. Резерв нужен, чтобы сменить основные силы. Свежие резервы «бросают в бой», когда остальные выдохлись. Проведение кур-

са модернизации требует соответствующего кадрового обеспечения. Появление такого списка позволяет предположить, что в верхних эшелонах власти существует понимание того, что старые кадры не способны провести модернизацию в силу инертности мышления, неспособности перестроиться, сменить стиль мышления, метод работы и образ жизни. Они способны тормозить внедрение нововведений и реформ.

Интерес к социальной структуре элиты объясняется тем, что однородность социального происхождения рассматривается в качестве одного из значимых показателей интегрированности элиты. Уровень сплоченности является в определенной степени показателем дееспособности элиты и стабильности политической системы вообще. Поэтому в качестве объекта исследования выбрана так называемая «президентская сотня».

Анализ качественного состава «президентского резерва» позволит оценить, насколько этот резерв способен реализовать объявленный президентом страны курс модернизации. Для исследования используются критерии, предложенные научным коллективом Социологического института РАН под руководством А.В. Дуки (5, с. 137). Предметом исследования выбраны несколько социально-демографических параметров, таких как пол, возраст, тип первого высшего образования и социально-профессиональной группы, из которой набирались кандидаты в этот список. Официально были объявлены следующие критерии для отбора: возраст 25–

50 лет, «высшее образование, управленческие способности, компетентность, успешность, способность к стратегическому мышлению» (8). Главное препятствие для попадания в кадровый резерв – наличие судимости, причем учитывалась судимость, полученная и в советское время. Поводом для исключения из списка могли стать и коррупционные скандалы. В первую сотню президентского резерва попали 90 мужчин и десять женщин. Самым молодым из них является Владимир Назаров (родился в 1982 г.), самым старшим – Гарри Минх (1959 г. р.).

Первый параметр – это возраст, так как при формировании списка был применен возрастной ценз – не старше 45 лет. В связи с этим ограничением были выделены две возрастные группы: 25–35 и 35–45 лет. Выбор двух градаций объясняется межпоколенческими различиями, которые влияют на возможности человека быстро адаптироваться к изменениям. Старшая возрастная группа (35–45 лет) проходила этапы социализации в позднюю советскую и перестроечную эпоху, а более молодая (25–35 лет) – в период демократических реформ Б. Ельцина (табл. 1).

Таблица 1

ВОЗРАСТ «ПРЕЗИДЕНТСКОЙ СОТНИ» (% , N = 100)

<i>Возраст, лет</i>	<i>Доля</i>
25–35	48
35–45	52

Из данных таблицы видно, что обе возрастные группы представлены практически в равных долях с незначительным перевесом в 4 % кандидатов старшей возрастной группы (52 %).

Обратим внимание, как распределяется возраст по гендерному признаку (табл. 2). От общего числа кандидатов первой сотни списка 10 % составляют женщины.

Таблица 2

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (% , N = 100)

Пол	Возраст	
	25-35	35-45
Мужчины	44	46
Женщины	4	6

Среди мужчин и женщин количество людей в возрасте от 35 до 45 лет распределяется примерно поровну с незначительным перевесом второй возрастной категории (у мужчин – 44 % из первой возрастной группы и 46 % – из второй; у женщин – 4 % из первой группы и 6 % – из второй).

Одна из значимых характеристик способности элиты реализовывать государственное управление в соответствии с требованиями и стандартами нового поколения – это тип высшего образования. В советский период и первые десять лет после распада СССР во властной элите присутствовала значительная доля людей, не имевших никакого высшего об-

разования. Последние десять лет (2000–2010) характеризуются качественными изменениями властвующей элиты, когда наличие высшего образования уже является критерием отбора в высшие эшелоны власти. Для анализа были выделены три типа высшего образования: техническое, гуманитарное и социально-экономическое (в эту третью категорию вошло экономическое, управленческое, юридическое, социологическое и политуправленческое образование). Исследователи отмечают разницу в установках и стереотипах между так называемыми «технократами» и «интеллигенцией» – «последние в большей степени, чем первые, поддерживают политические свободы» (4, с. 139).

Таблица 3

СООТНОШЕНИЕ ТИПА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛА (% , N = 100)

<i>Тип</i>	<i>Техническое</i>	<i>Гуманитарное</i>	<i>Социально-экономическое</i>
Мужчины	56	10	24
Женщины	4	3	3

Данные таблицы 3 демонстрируют, что среди мужчин преобладают люди с техническим образованием (56 %), а гуманитарное образование присутствует только у 10 % кандидатов из списка. В отличие от мужчин, у женщин распределение по этим трем группам более равномерное (техническое образование – 4 %, гуманитарное – 3 и социально-эко-

номическое – 3 %). Получается, что из 100 % кандидатов 60 % имеют техническое образование. Доминирование технократии было свойственно советской номенклатуре с начала 1960-х годов, в связи с выдвижением на руководящие должности «специалистов народного хозяйства» (12, с. 74). Доминирование технократов в управленческой элите ведет к «тоннельному видению проблем и шаблонных путей их решения» (4, с. 186). Если обратить внимание на то, каким образом распределяется тип образования в разных возрастных группах, можно говорить о положительной динамике (табл. 4).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.